
АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
(АИРО-XXI)

ФОНД ИМЕНИ НИКОЛАЯ БУХАРИНА
И АННЫ ЛАРИНОЙ-БУХАРИНОЙ

НОВЫЙ ХРОНОГРАФ

СЕРИЯ «ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ В РОССИИ.»

под редакцией Г.А. Бордюгова

Объединенная редакция «АИРО-XXI – НОВЫЙ ХРОНОГРАФ»

Леонид ЯНОВИЧ – главный редактор
Андрей МАКАРОВ – исполнительный директор
Сергей ЩЕРБИНА – арт-директор

Международный совет научных проектов и издательских программ АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ Руководитель
Карл АЙМЕРМАХЕР Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ МГУ им. М. В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ Рурский университет в Бохуме
Харуки ВАДА Фонд японских историков
Людмила ГАТАГОВА Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ МГУ им. М.В. Ломоносова
Роберт ДЭВИС Бирмингемский университет
Стивен КОЭН Принстонский, Нью-Йоркский университеты
Алан КАСАЕВ РИА «Новости»
Андрей МАКАРОВ АИРО-XXI
Джон МОРИСОН Лидский университет
Василий МОЛОДЯКОВ Университет Такусёку, Токио
Игорь НАРСКИЙ Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ Университет Северной Каролины на Чепел Хилл
Борис СОКОЛОВ АИРО-XXI
Такеси ТОМИТА Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА Российский исторический журнал «Родина»
Сергей ЩЕРБИНА АИРО-XXI
Леонид ЯНОВИЧ «Новый хронограф»

АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
(АИРО-XXI)

Стивен КОЭН

**ДОЛГОЕ
ВОЗВРАЩЕНИЕ
Жертвы ГУЛАГа после Сталина**

Перевод с английского Ирины Давидян

Москва
Новый Хронограф
2009

УДК 94:[343.261-052:321.64-058.57](47+57)"1953/1964"
ББК 63.3(2)632-361
К76

СЕРИЯ «ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ В РОССИИ»
ОСНОВАНА В 1995 ГОДУ

Издание осуществлено благодаря поддержке
Смоленской торгово-промышленной палаты
и её президента В.П. Архипенкова

Дизайн и вёрстка: *Сергей Щербина*

Коэн, Стивен.

Долгое возвращение. Жертвы ГУЛАГа после Сталина / Стивен Коэн ; пер. с англ. Ирины Давидян ; Ассоц. исследователей рос. о-ва (АИРО-XXI). – М. : Новый хронограф : АИРО-XXI, 2009. – 144 с. – ISBN 978-5-94881-076-8. – ISBN 978-5-91022-100-4.
Агентство СІР РГБ

В центре внимания нового (или, как выясняется, не очень нового) исследования видного американского историка Стивена Коэна – не лёгкий процесс возвращения и реабилитации жертв сталинского террора. Среди вопросов, волнующих автора: перипетии этого процесса при Хрущёве и после него, роль бывших репрессированных в политике оттепели, а также неоднозначное отношение к ГУЛАГу и гулаговцам со стороны власти и общества в СССР и постсоветской России.

© Стивен Коэн, 2009
© Ирина Давидян, перевод, 2009
© АИРО-XXI, 2009
© Новый хронограф, 2009

ISBN 978-5-91022-100-4
ISBN 978-5-94881-076-8

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ _____ 9

ОБ ИСТОЧНИКАХ, ИЛИ ОСОБЕННОСТИ
СБОРА ИНФОРМАЦИИ ДО ЭПОХИ
ГЛАСНОСТИ _____ 12

ОСВОБОЖДЕНИЕ _____

ЖЕРТВЫ ВОЗВРАЩАЮТСЯ _____ 32

«ХРУЩЕВСКИЕ ЗЕКИ» И ПОЛИТИКА
ДЕСТАЛИНИЗАЦИИ _____ 47

ЭПИЛОГ _____ 68

ПРИМЕЧАНИЯ _____ 82

Избранная библиография трудов
Стивена Коэна _____ 111

Книги Стивена Коэна и о нём, вышедшие
в АИРО в 1999–2008 гг. _____ 125

*Светлой памяти
Анны Михайловны Лариной*

Невозможно скрыть. Люди будут выходить из тюрем, приезжать к родным, расскажут родственникам, знакомым, друзьям, товарищам, как всё было ... что те, кто остался в живых, были репрессированы невинно.

Никита Хрущёв

Теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили.

Анна Ахматова

Предисловие

Русским читателям, знающим меня по моей биографии Николая Бухарина и более поздним работам о российско-американских отношениях, возможно, будет интересно узнать, какое место в моём многолетнем опыте изучения советской и постсоветской России занимает эта тема. Говорят, рукописи, как люди, имеют собственную историю, и это, без сомнения, относится к данной работе. Первая, более короткая её версия была написана 25 лет назад, в 1983 году. До недавнего времени она лежала неопубликованная в моём архиве неоконченных проектов, но при этом никогда не переставала быть важной составной частью того научного и личного интереса, который связывает меня с Россией.

Задуманная как исследование о людях, которые пережили сталинский Гулаг и в период реформ Никиты Хрущёва (1953–1964) вернулись в советское общество, эта рукопись создавалась в очень непростых условиях доперестроечной, застойной Москвы конца 1970-х и начала 1980-х годов, когда сама эта тема и всё, что с ней было связано, находились под официальным запретом. Ни один здравомыслящий западный учёный в подобных обстоятельствах не взялся бы за подобный проект, но, похоже, тема сама выбрала меня.

Всё началось ещё раньше. В 1965 году мы с моим другом Робертом Конквестом выгуливали в лондонском парке его собаку и беседовали о его новой работе, ставшей затем знаменитой книгой «Большой Террор». Конквест был уже известным англо-американским автором, я же, на 20 с лишним лет моложе, литературных заслуг не имел вовсе и только-только начал работать над своей докторской о Бухарине, которого считал важнейшей фигурой, одним из основателей советского государства, незаконно подвергнутым суду и казненным Сталиным в 1930-е годы. Слушая рассказ Конквеста о его открытиях, я заметил, что недавно узнал, что вдова и сын Бухарина сумели каким-то образом уцелеть в сталинском терроре и, после двух десятилетий тюрем, лагерей и сибирской ссылки (в её случае), живут где-то в Москве (1). Да, ответил Конквест, несомненно, что в Советском Союзе живут ещё миллионы таких же уцелевших.

Так семя было брошено, но взошло оно значительно позже, в 1976 году. К тому времени в Нью-Йорке уже была опубликована моя книга о Бухарине, я стал своим человеком в семье его вдовы, Анны Михайловны Лариной, и сына Юрия, и стал подолгу жить в Москве в рамках программы советско-американского научного обмена. Моя общественная жизнь в Москве по большей части была связана с разросшейся бухаринской семьей, которая включала теперь ещё и двух детей Анны Михайловны, Надежду и Михаила, рождённых ею в ссылке от второго мужа, Фёдора Фадеева, которого она встретила в Гулаге и который умер вскоре после их возвращения в Москву в 1959 году. Очень быстро я осознал, что большинство моих но-

вых московских знакомых также являются выжившими жертвами сталинского Гулага либо детьми и родственниками жертв.

Все публичные разговоры об их страшной судьбе были официально запрещены цензурой вскоре после смещения Хрущёва в 1964 году, и они едва ли надеялись, что когда-нибудь их опыт станет достоянием гласности. По этой причине, а также в силу моих отношений с Анной Михайловной, имевшей в этой среде большой авторитет, они с готовностью рассказывали мне свои истории и даже передавали неопубликованные мемуары. Внезапно и неожиданно для себя я очутился в некой подземной истории – или, если угодно, живой археологии – известной лишь фрагментарно в Советском Союзе и почти совсем не известной на Западе (2). И писать эту историю, похоже, выпало мне.

Об источниках, или особенности сбора информации до эпохи гласности

Задуманная мною книга преследовала две цели. Во-первых, после биографии Бухарина, мне хотелось написать своего рода коллективную биографию выживших жертв Гулага – от освобождения до попыток вновь обрести своё место в обществе. Другая цель, в которой проявился мой интерес к прошлым и – как я верил даже тогда – будущим реформам в Советском Союзе, состояла в ответе на вопрос: как возвращение миллионов заключённых после смерти Сталина в 1953 году повлияло на процесс принятия политических решений и саму политическую систему при Хрущёве?

Обе задачи выходили за рамки традиционных для западной советологии того времени тем исследования. Большинство авторов, твёрдо придерживаясь «тоталитарной» модели, по-прежнему рассматривали советскую политическую систему в отрыве как от истории, так и от общества, считали её не подверженной влиянию последних и, значит, неизменной по существу (3). Воздействие, которое оказали в 1950–60-е годы гулаговские «возвращенцы», заставляло взглянуть на дело иначе. Их судьбы были центральным фактором глубоко историзированной политики того

периода, когда споры о прошлом стали неотъемлемой частью борьбы за власть и выбор политических решений среди верхушки партийного руководства. В то же время, личные потребности такого большого числа освобожденных узников и их семей создавали не только низовую социальную базу для дальнейшей десталинизации сверху, но и условия для проверки способности системы к изменению. (Уже тогда, до того как это стало распространенным методом в западной советологии, я пытался соединить социальную и политическую историю.) (4).

Но где мне было взять информацию для такой глубоко эмпирической работы? Почти никакой литературы по этой теме не существовало; лучшие западные книги о терроре, в первую очередь, книга Конквеста, концентрировали внимание на процессе репрессий, а не на судьбах репрессированных (5). В самом же Советском Союзе – стране с безраздельно царящей цензурой, закрытыми архивами, запуганными жертвами и негативно настроенным официальным мнением – существовало только одно, и то довольно фрагментарное, исследование: краткое изложение нескольких постгулаговских судеб в конце третьего тома романа Александра Солженицына «Архипелаг Гулаг», который был издан на Западе в 1970-е годы (6).

Это означало, что я должен был опираться преимущественно на первичные источники. За границей был опубликован ряд бесцензурных воспоминаний бывших гулаговцев, но они имели ограниченную ценность. Большинство из них относилось к периоду до 1953 года и принадлежало перу репатриированных иностранцев, чей последующий опыт не был ти-

пичен для бывших советских узников или мало что говорил о жизни после Гулага (7). Были, однако, ещё два источника информации, оба советские и важные, до сих пор мало используемые западными исследователями.

Первый – внушительная по объёму литература на «лагерную тему», в том числе художественные произведения, опубликованные в период относительно-го цензурного послабления хрущёвской «оттепели». Ошибочно полагают, будто таких текстов даже в то время было мало – в литературе, мол, лишь один солженицынский «Один день Ивана Денисовича» – или что они не заслуживают внимания по причине своей «советскости» (8). Многочисленные заметки и наблюдения о сталинском терроре, включая воспоминания выживших узников Гулага, были опубликованы в официальной печати, причём не только московской. С подсказки «возвращенцев», я обнаружил залежи информации в журналах, издаваемых в отдалённых советских регионах (Сибирь, Казахстан), где была высока концентрация лагерного и ссыльного населения, значительная часть которого там и осела после освобождения. Доставать такие журналы, как «Сибирские огни», «Байкал», «Простор», «Ангара», «Урал», «Север», «Полярная звезда», «На рубеже» и «Дальний Восток», было нелегко, но результат с лихвой окупал затраченные усилия (9).

Другой письменный советский источник был полностью неподцензурным и включал в себя растущий пласт литературных сочинений, ходящих по рукам в машинописном виде (самиздат) или тайком вывезенных за границу и изданных там (тамиздат). К 1970-м

годам все эти проявления неофициальной гласности: истории, мемуары, современные политические и социальные комментарии, документы, художественные произведения и прочее, – должны были стать обязательным чтением для большинства советологов, как они стали для меня (10). Ведь в центре этой литературы была эпоха террора – темы, реалии и сами авторы – бывшие зеки.

Больше всего, однако, я опирался на личные свидетельства сталинских жертв, с которыми меня сводила судьба. Поначалу я знакомился с ними через семью Бухарина, но очень скоро у меня появились в Москве ещё три уникальных канала знакомств. Два из них – историки-диссиденты, с которыми у меня на долгие годы установились тесные личные и профессиональные отношения: Рой Медведев, чей отец погиб в лагере, и Антон Антонов-Овсеенко, потерявший обоих родителей в годы террора и сам отсидевший 13 лет в Гулаге (11). Пользовавшиеся уважением и доверием многих бывших репрессированных, Рой и Антон уговоряли некоторых из них помочь мне.

Моим третьим каналом стала Татьяна Баева – замечательная молодая женщина, одна из активисток подвергавшегося травле московского движения за права человека, в рядах которого были как сами «возвращенцы», пережившие ужас двадцатилетнего сталинского террора, так и взрослые дети тех, кто не дожил до возвращения. Отец Татьяны, Александр Баев, всемирно известный биохимик, осыпанный почестями и занимавший высокий пост в советской Академии наук, в своё время провёл 17 лет в сталинских лагерях и ссылке, где и родилась его дочь (12). (Ма-

лоизвестный, но существенный факт: знаменитая «демонстрация семи на Красной площади» в знак протеста против ввода советских войск в Чехословакию в августе 1968 года на самом деле была «демонстрацией восьми». Восьмой была 21-летняя Таня Баева, чьё имя было вычеркнуто из заведённого КГБ дела из-за высокой должности отца.) Моя дружба с Таней ввела меня ещё в один круг людей, чей личный опыт был для меня так важен.

За два года периодических посещений Москвы я имел личные контакты с более чем двадцатью бывшими узниками Гулага или близкими родственниками жертв – помимо членов семьи Бухарина (13). Среди них были те, чьи имена, без сомнения, будут знакомы многим русским читателям: Юрий Айхенвальд, Игорь Пятницкий, Лев Копелев, Михаил Байтальский, Юрий Гастев, Павел Аксенов, Евгений Гнедин, Камил Икрамов, Наталья Рыкова, Леонид Петровский. Позже, после моего трёхлетнего вынужденного отсутствия в России, к ним добавились и другие люди, также с гулаговским прошлым, в том числе Лев Разгон, много лет отсидевший в лагере, драматург Михаил Шатров (племянник бухаринского соратника и товарища по несчастью Алексея Рыкова), чья семья заметно поредела в годы террора, и Александр Мильчаков, чей отец (тоже Александр), прежде чем угодить на долгие годы в Гулаг, занимал высокий пост в комсомоле.

Я был не первым человеком, подвигшим бывших жертв на сеансы устной истории. Во многих случаях, Солженицын, Медведев и Антонов-Овсеенко, собиравшие материал для своих бесцензурных книг о со-

ветском прошлом (14), меня опережали, – но из иностранцев, думаю, я был первым. (Солженицын в начале 1960-х навестил Анну Михайловну Ларину в её московской квартире, чтобы расспросить о её опыте лагерной и ссыльной жизни. Позже она сожалела об этой встрече, так как Солженицын, в её присутствии на все лады расхваливавший Бухарина, в своём «Архипелаге» выставил его не в лучшем свете.) Я всегда отдавал себе отчёт, что, помогая мне, эти люди (в отличие от меня) возможно, вновь подвергают себя существенному риску. Поэтому я действовал очень осторожно, что обычно означало – конспиративными методами.

Я понимал, однако, что мои гулаговские контакты были частными, избранными случаями: в основном это были пожилые люди, имевшие отношение к плеяде первых руководителей Советского государства и коммунистической партии, до репрессий проживавшие в Москве. (Вопреки распространённому в России и на Западе устойчивому политическому мифу, подавляющее большинство жертв сталинского террора – 70 и более процентов – не были членами партии или советской элиты.) (15). Чтобы расширить круг своих респондентов, я подготовил подробную анкету на русском языке (чего до меня тоже никто не делал), которую друзья, знакомые и не знакомые мне люди распространяли затем среди бывших узников Гулага в Советском Союзе и тех, кто эмигрировал на Запад (16). К началу 1980-х годов я получил, по различным каналам, двадцать или около того подробных ответов. Вместе с примерами, почерпнутыми мной из печатных и машинописных источников, я имел те-

перь сведения почти о 60 лицах. Учитывая, что жертв были миллионы, это была ничтожная выборка. Но с другой стороны, опубликованные недавно на Западе обобщающие работы о сталинской эпохе в целом основывались на куда меньшем числе дневников и прочих личных документов, найденных в архивах. (Солженицын говорил, что для своего «Архипелага Гулаг» он собрал 227 показаний, но в основном, похоже, это были письма, полученные им от бывших зеков после публикации «Ивана Денисовича».) (17).

Между тем, время, отпущенное мне для осуществления этого проекта внутри СССР, близилось к концу. О моей двойной московской жизни – исследователя, официально работавшего по обмену над дозволенной темой, но при этом всё больше времени и внимания уделявшего другой теме, не дозволенной, – стало известно советским властям. Знали они, несомненно, и о моём деятельном участии в переправке запрещенных рукописей (мемуаров и диссидентских текстов) за границу, а оттуда, в виде тамиздатовских публикаций, обратно в Союз. Мой появлявшийся время от времени «хвост» стал более постоянным, и однажды сотрудник КГБ в академическом институте открытым текстом посоветовал мне прекратить «проводить время с людьми, не довольными Советской властью». (Кого он имел в виду, бывших репрессированных или диссидентов брежневского времени, я не спросил.)

Таким, возможно, закономерным образом, эта стадия моего проекта завершилась в 1982 году, после чего мне три года не удавалось получить советскую визу, несмотря на неоднократные обращения и просьбы.

бы. Тогда я решил заняться уже накопленным значительным материалом по теме, используя кое-что в своих публикациях об истории и современном состоянии политической борьбы за реформирование советской системы (18). Я также написал первый, черновой, вариант этой статьи, в котором конспективно изложил основные идеи задуманной мною книги.

Эта задумка, однако, оказалась отодвинута на задний план драматическими событиями, начавшими разворачиваться в Советском Союзе в 1985–86 годах. Вскоре стало ясно, что политика нового лидера, Михаила Горбачёва, представляет собой ту самую попытку советской реформации, в возможность которой я всегда верил, и, кроме того, она обеспечивала доступ к прежде закрытым архивным документам, необходимым для более полного издания моей биографии Бухарина. В условиях гласности пресса наполнилась новыми данными о жертвах сталинского режима, которые я добросовестно собирал, но первоочередное значение для меня тогда имели другие проекты. Пухлые папки документов о гулаговских «возвращенцах» пылились в коробках в моей нью-йоркской квартире и в офисе Принстонского университета до середины 1990-х годов – до встречи с Нэнси Адлер. Впечатлённый работой, проделанной этой молодой американской исследовательницей по той же самой теме, и её способностями в плане применения психологического и сравнительного подходов, которыми я не обладал, я дал ей полный доступ к своему архиву. Результатом стала её превосходная книга, в 2002 году увидевшая свет в Америке, а в 2005 году, в русском переводе, – в Москве (19).

Зачем же тогда я решил опубликовать эту свою работу сегодня? Во-первых, потому что я всегда надеялся, что когда-нибудь, в той или иной форме, сделаю это. Особый случай представился в 2007 году, когда ряд друзей и почитателей Роберта Конквеста решили издать сборник статей в честь его 90-летия. Для этой книги я подготовил исправленную версию моей статьи 1983 года, что вдохнуло новую жизнь в проект, заброшенный мною почти тридцать лет назад. А сделав это, я уже не мог удержаться и не подготовить эту, существенно разросшуюся, статью для публикации в России к 70-летию большого сталинского террора 1937–38 годов. Другая причина состояла в том, что я хотел опровергнуть впечатление, сложившееся на Западе, а, возможно, и в России, будто исследование по такой теме было невозможно до периода горбачёвской гласности или даже до постсоветской «архивной революции». Как в этой связи напомнил нам историк Владлен Логинов, «каждая эпоха рождает и свой специфический тип источников» (20).

А самое главное, о возвращении и судьбах бывших узников ГУЛАГа до сих пор поразительно мало известно – по сравнению, например, с теми же жертвами Холокоста. Их эпопея «часто игнорируется», как заметил один из современных исследователей ГУЛАГа, даже в книгах по истории Советского Союза (21). За годы, прошедшие с хрущёвской оттепели, «возвращенцы» время от времени фигурировали на страницах художественных произведений русских и зарубежных авторов («Всё течет» Василия Гроссмана, «Ожог» Василия Аксенова, «Пушкинский дом» Анд-

рея Битова, «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова, «Дом свиданий» Мартина Амиса); был опубликован ряд мемуаров об их жизни после ГУЛАГа; их свидетельства послужили материалом для нескольких западных монографий на более широкие темы (22). При этом, несмотря на наличие крупных хранилищ рукописей, особенно тех, что имеются в распоряжении обществ «Мемориал» и «Возвращение» в Москве, и тома опубликованных архивных документов, книга Адлера остается единственным всеобъемлющим исследованием опыта бывших гулаговцев – причём, что особенно необъяснимо, даже в России (23).

Достоинства моей работы, пускай и более скромные, заключаются, возможно, в том, что в ней представлены, в относительно сжатом виде, политическое и социальное измерения этого явления. Кроме того, поскольку большую часть своего исследования я проделал по более горячим следам, в ту пору, когда те события ещё не стали полностью историей и когда многие репрессированные (и их палачи) ещё были живы, мой угол зрения на проблему – «возвращенцев» и на общество и систему, с которыми они сталкивались, возвращаясь, – несколько отличается от тех, под которыми их рассматривали Адлер и другие авторы.

В основе своей, темы и сюжеты данной публикации повторяют те, что были в первоначальном варианте статьи 1983 года, однако я существенно расширил их за счёт фактических данных, накопленных мною с тех пор. (Большинство примечаний содержат библиографию соответствующих публикаций, появившихся после 1983 года, многие из которых я читал в рукопи-

си до того, как они смогли увидеть свет.) Эти новые материалы позволили мне сделать какие-то моменты моего повествования более полными или более наглядными, по сравнению с первоначальной версией статьи, а также, при сохранении главного фокуса на времени Хрущёва, добавить продолжение, включающее обзор дальнейших судеб «возвращенцев» и прочих жертв от 1964 года до наших дней.

Но даже сегодня, однако, я не называю имен всех тех, кто, положившись на моё обещание конфиденциальности, снабжал меня сведениями в конце 1970-х – начале 1980-х годов. Хотя большинства из них уже нет в живых, я предпочитаю сохранить инкогнито ряда личностей – отчасти из-за неопределённости ситуации в сегодняшней России, а, возможно, просто потому, что не люблю изменять данным обещаниям и некогда усвоенным привычкам.

Освобождение

Узники, возвращавшиеся из Гулага, были выжившими, в полном смысле слова – такими же, как те, кто вернулся живым из нацистских лагерей смерти. (Даже советские газеты впоследствии обвиняли Сталина в «геноциде своего народа».) (24) И хотя, в отличие от гитлеровских лагерей, главной целью сталинских был принудительный труд, а не умерщвление, обращение и условия содержания в Гулаге и в огромной системе связанных с ним тюрем, этапов, колоний и спецпоселений были зачастую убийственными. Многие из тех 12–13 миллионов (а может быть, значительно большего числа) жертв, затянутых в недра этой системы в период между началом 1930-х и началом 1950-х годов, умерли там или были отпущены умирать на свободу (25). Большинство освобожденных в 1950-е годы были арестованы в 1940-е, то есть провели в лагерях «только» десять лет и меньше.

Факт выживания поэтому стал непростой и мучительной темой для тех, кто вернулся из Гулага – такой же мучительной, как для жертв нацистских лагерей (26). Кто выжил и почему? Одни выстояли, потому что были сильны духом и телом или так сложились обстоятельства: работа досталась менее тяжёлая или досрочно выпустили на поселение. Другие уцелели, став стукачами и сотрудничая, тем или иным способом, с лагерной администрацией. Многие из «возвра-

щенцев», с которыми я беседовал, не желали говорить на эту тему, а если и говорили, то без упреков в чей-либо адрес, но были и такие, которые обвиняли солагерников в продажном поведении и хотели, чтобы я также осудил их. (Один бывший зек показал мне семейный альбом с фотографиями 1930-х годов, из которого его жена, в отчаянной, но тщетной попытке спасти свою жизнь, грубо вырвала все карточки с изображением арестованного мужа – продиктованный паникой, нередкий поступок в годы террора (27). «Вот так же она вела себя и в лагере», – добавил затем этот человек.) Я последовательно избегал выносить подобные суждения, объясняя, что никогда не сталкивался с подобной ситуацией, где речь бы шла о выборе между жизнью и смертью, и потому не знаю, как я сам повел бы себя в тех обстоятельствах.

Точное число политических жертв, доживших до свободы, которая последовала за сталинской смертью в 1953 году, остается неизвестным и по сей день. Минимум 4–5 миллионов человек всё ещё находились в лагерях, тюрьмах, исправительно-трудовых колониях и в ссылке (28). К этому, однако, нужно прибавить ещё несколько миллионов родственников «врагов народа», или, в другой формулировке сталинского времени, «членов семей изменников Родины». (Кто-то отказался от репрессированной родни или умудрился скрыть родство с ними, но многие не стали или не смогли.) История всех этих побочных жертв террора, чьи супруги, родители или братья-сестры стали невольными виновниками их судьбы, как сказал о своей матери, великом, но запрещенном поэте Анне Ахматовой, зек Лев Гумилев (29), до сих пор, по сути, так и не написана.

Очень многие дети и другие родственники, включая тех, которых я знал, также были арестованы или под вымышленными именами помещены в разбросанные по всей стране детские дома и приюты, находившиеся в ведении НКВД (30). Для миллионов других, номинально оставшихся на свободе, таким клеймом стали их «подпорченные биографии», что они не могли зачастую ни нормально жить и работать, ни получать необходимые социальные льготы (31). Были и примечательные исключения: люди, достигшие высокого положения при Сталине, несмотря на то, что их ближайшие родственники были арестованы как «враги народа», – факт, похоже, не объяснимый ничем иным, кроме гнусного каприза тирана. Не считая членов сталинского Политбюро, чьи родственники, по его приказу, были арестованы и даже расстреляны, вот ещё несколько примеров, опять-таки знакомых русскому читателю: президент Академии наук Сергей Вавилов, прославленный карикатурист Борис Ефимов и актриса Вера Марецкая, чьи родные братья были арестованы и убиты, а также актриса Ольга Аросева и балерина Майя Плисецкая, у которых были расстреляны отцы (32). А Юрий Трифонов и Святослав Рихтер, несмотря на наличие расстрелянных отцов, были удостоены Сталинской премии.

Однако огромное большинство родственников осуждённых «контрреволюционеров» терпели такие лишения, что российское правительство, в конце концов, признало их тоже «репрессированными» – особенно детей, чья судьба была «не менее трагическая, чем судьба репрессированных родителей» (33). Как и выжившим в Гулаге, им также требовалась реабилита-

ция и полная интеграция в советское общество. С учётом только непосредственных членов семей (а пострадавшими часто оказывались и другие родственники), выживших к 1953 году жертв политических репрессий должно было насчитываться не менее 10 миллионов человек (а то и более). Ведь, как верно было сказано, «в каждой семье, и в деревне, и в городе, среди интеллигенции, рабочих и крестьян, были люди, родственники или знакомые, которые погибли» в сталинских лагерях и тюрьмах за 20 лет террора (34).

В истории Гулага случались и другие массовые освобождения, но то, что произошло после смерти Сталина, было принципиально иным. Предельно политическое, преисполненное вопросов о виновности и невиновности, оно стало источником опасного конфликта в Кремле. По мартовской амнистии 1953 года, на свободе оказались 1 миллион из примерно 2,7 миллиона заключённых – преимущественно обычные уголовники (35). Что касается политических узников, то их освобождение шло медленно, растянувшись на три – бесконечные для тех, кто ещё оставался в Гулаге – последующих года (36). Главная причина, безусловно, заключалась в том, что новое руководство страны, в частности, Лаврентий Берия, Вячеслав Молотов, Лазарь Каганович, Климент Ворошилов, Георгий Маленков, Анастас Микоян и сам Хрущёв, имели непосредственное отношение к сталинским преступлениям.

В течение трёх лет после смерти Сталина, пока его преемники вели между собой борьбу за власть и политическое руководство, они, опираясь на бюрократические процедуры, изучали статус политических

заключённых, большинство из которых были осуждены по печально известной 58-й статье как «контрреволюционеры», и рассматривали растущий поток апелляций. Но больше всего шансов освободиться первыми, в 1953–54 годах, было у тех, кто имел личные связи или был известен в партийно-советских верхах. В числе счастливицов оказались как родственники самих партийных лидеров, чудом уцелевшие старые большевики и последние жертвы тирана – участники «дела врачей», так и знаменитые деятели культуры и спорта, такие как актриса Зоя Федорова, руководители футбольной команды «Спартак» братья Старостины, джазмен Эдди Рознер и кинодраматург Алексей Каплер. (Самой первой «возвращенкой», возможно, стала жена Молотова, освобождённая в день похорон Сталина, 5 марта 1953 года.) (37).

В прочих случаях, если не считать частичных амнистий, процедура рассмотрения апелляций представляла собой медленный, в каждом случае отдельный процесс, растягивавшийся обычно на месяцы, даже годы, и заканчивавшийся отказом. Из 237 412 апелляций, официально рассмотренных к апрелю 1955 года, не более 4 процентов получили положительный ответ (38). Ускорению исхода из Гулага способствовали как сообщения о начавшихся бунтах в лагерях, так и толпы просителей, осаждавших здание прокуратуры на ул. Кирова, 41 в Москве, и тысячи прошений, поступивших в ЦК партии и в КГБ. К концу 1955 года 195 353 человека, как сообщалось, были освобождены, из них, правда, только 88 278 человек из лагерей и колоний, остальные – из различного рода принудительных поселений (39). Это была уже зна-

чительная цифра, но ускорение темпов, если и продолжалось, всё равно происходило слишком медленно, чтобы спасти жизни всех, кто ещё оставался в неволе. Как в отчаянии написал матери из лагеря в 1955 году Лев Гумилев: «Скорее всего, я буду реабилитирован посмертно» (40).

Поворотным моментом стала историческая атака Хрущёва на пережитки культа личности Сталина, произошедшая на закрытом заседании XX съезда партии в феврале 1956 года. Новый лидер не сказал всей правды, он даже не упомянул Гулаг, но, обвинив мёртвого тирана в «массовых репрессиях», производимых на протяжении 20 лет, Хрущёв негласно снял клеймо преступников с миллионов жертв фальшивых обвинений. Его речь не публиковалась в Советском Союзе до 1989 года, но и по-настоящему «секретной» она никогда не была. Копелев, например, прочитал её в распечатке «для служебного пользования» в редакции одного центрального журнала. В течение нескольких месяцев после съезда её официально зачитывали на партийных собраниях по всей стране, делая её содержание известным широкой публике. Политика избирательного освобождения перестала быть оправданной. Процесс немедленно стал массовым, чему способствовали специальные постановления, практика ускоренного рассмотрения прошений, в том числе и получивших ранее отказ, и широкие амнистии (41).

Наиболее драматическим моментом этого процесса стала работа 97 особых комиссий, посланных из Москвы непосредственно на места, в крупнейшие из подразделений Гулага, объединявшего порядка 65 лагерей. В состав каждой комиссии входили от 3 до 7

человек, включая представителей партии и государства и – для вящей «объективности и справедливости» – одного уже освобождённого и реабилитированного старого большевика, зачастую, правда, исключённого из партии. Все комиссии (зеки называли их «разгрузочными») получили полномочия рассматривать дела на месте и освобождать заключённых, обычно просто на основании снятия обвинения. Не все комиссии выносили справедливые решения, но большинство действовали по совести. За несколько месяцев они освободили более 100 тысяч заключённых (в том числе, ряд моих будущих знакомых), внося существенный вклад в постоянно растущее общее число (42). К 1959 году большинство из выживших в лагерях, колониях, тюрьмах и ссылке жертв политических репрессий оказались на свободе (43).

Вскоре после речи Хрущёва возвращающиеся домой зеки стали привычным зрелищем в поездах и на улицах городов всего Советского Союза. В одинаковых лагерных телогрейках, зачастую не имеющие при себе ничего, кроме справки об освобождении с отметкой о пункте следования, железнодорожного билета и небольшой суммы денег на еду, они выглядели истощёнными и состарившимися до срока (44). Когда один такой бывший зек пришёл в комитет партии, смущаясь своего внешнего вида, другой бывший зек, работающий там, его успокоил: «Ничего, сейчас многие ходят по Москве в такой одежде» (45).

Не все освобожденные из лагерей и ссылок поехали домой. Некоторым из них, арестованным по серьёзным политическим делам, было временно запрещено проживать в Москве и других крупных городах. Кро-

ме того, не все депортированные народы получили право вернуться на историческую родину. А для очень многих понятия «дом» просто больше не существовало: годы заключения стоили им не только их семей, работы, собственности, но и чувства привязанности к чему-либо или кому-либо.

Сотни тысяч освобожденных – «благоразумные», по оценке Солженицына (46), – остались жить на обширных просторах уменьшившейся гулаговской империи, в основном в Сибири и в Центральной Азии. Одни оставались из-за новых семей, которыми успели обзавестись, или высоких зарплат, которые им, теперь уже вольнонаёмным, предлагали нуждавшиеся в рабочих руках местные предприятия. Другие – из-за отсутствия проездных документов, третьи – оттого что сердцем прикипели к этим суровым местам, а четвёртым просто некуда было ехать (47). Много лет спустя, после того как лагерные вышки и ограждения из колючей проволоки были сметены бульдозерами, посетители этих мест продолжали наткаться на страшные следы того, гулаговского, мира: лагерные строения, братские могилы, черепа. А в отдалённых столицах бывшего Гулага – Магадане, Норильске и Воркуте – можно было встретить живые свидетельства: самих бывших узников и их многочисленных потомков (48). (Для большинства из них вновь настали нелёгкие времена, когда постсоветское государство прекратило щедрое финансирование этих регионов.)

Но миллионы выживших всё-таки вернулись домой – или попытались это сделать. Это были люди, некогда столь же разные, сколь разнообразен был сам

Советский Союз, представлявшие все социальные слои, профессии и национальности страны Советов. Десятилетиями сталинский террор черпал свои жертвы во всех слоях и группах общества, сверху донизу. В Гулаге же, как писал Александр Твардовский, чьи родители-крестьяне были сосланы как кулаки:

И за одной чертой закона
Уже равняла всех судьба:
Сын кулака иль сын наркома,
Сын командарма иль попа...

Зато уж вот где без изъятия
Все классы делались равны,
Все люди – лагерные братья,
Клеймом единым клеймлены (49).

Теперь они пошли каждый своей дорогой.

Жертвы возвращаются

Множество обобщений было сделано о постгулаговской жизни тех, кто уцелел, но большинство из них (если не все) являются безосновательными. Одни «возвращенцы» были настолько сломлены физически, что скончались вскоре после освобождения – «глотив свободу», как говорили о них. Другие, напротив, сумели дожить до преклонных лет – как Ольга Шатуновская и Алексей Снегов, одни из главных моих источников, или Антонов-Овсеенко, который и в свои 88 (когда я пишу эти строки) живёт в Москве активной жизнью, или философ Григорий Померанц, отметивший 90-летний юбилей. Одного года не дожил до 90-летия и самый прославленный из бывших зеков, Александр Солженицын, скончавшийся в 2008 году (50).

Для одних лагерь оказался настолько травмирующим опытом, что они до конца жизни продолжали бояться, скрывали своё прошлое и отказывались обсуждать его даже с членами семьи, избегали встреч с другими выжившими и вообще всячески пытались «сбросить тюремную кожу». Другие же, так называемые «профессиональные зеки», несли своё гулаговское прошлое как знак доблести, поддерживая крепкие дружеские связи с сокамерниками, и во всеуслышание говорили и писали о нём, потому что не могли не говорить и не писать. (Один из таких правдолюбцев,

коммунист Снегов, в ответ на вопрос партийного чиновника, в каком он лагере, советском или антисоветском, гордо ответил: «Я с Колымы», а один поэт даже взял творческий псевдоним «Владимир Зека».) Для них, как для Солженицына, «вопрос, скрывать своё прошлое или гордиться им, не стоял никогда» (51). Те, кто вышел на свободу достаточно молодыми, чтобы вернуться к профессии или освоить новую, обычно выбирали средний путь, откровенничая и делаясь переживаниями только с родными, друзьями и проверенными товарищами по работе (52).

Огромное большинство бывших зеков, вернувшись, вновь растворились в безмянности советского общества, но очень многие сумели достичь высокого положения и сделать выдающуюся карьеру. Среди этих последних были как ряд деятелей, освобождённых в годы Великой Отечественной войны: популярный в народе маршал Константин Рокоссовский, генерал Александр Горбатов, некоторые другие военачальники; отец советского ракетостроения Сергей Королёв; последний глава советского Союза писателей Владимир Карпов, – так и обретшие свободу после смерти Сталина Баев, Рознер, Андрей Старостин, актёры Георгий Жжёнов и Пётр Вельяминов, оставивший карьеру в кино и ставший популярным телеведущим Каплер, многие другие деятели культуры. (Основательница всемирно известного московского детского музыкального театра Наталья Сац освободилась в 1942 году.) Были и необычные случаи, примером коих может служить замечательный Юрий Айхенвальд, чьи главные произведения смогли увидеть свет только на Западе, но при этом он добился официального успеха

как либреттист и переводчик ряда популярных театральных постановок, включая «Человека из Ламанчи» (53). Жизни очень многих бывших жертв Гулага, прожитые хотя и не на виду, тоже имели свой относительный «хэппи-энд», но больше, наверное, было тех, кому не повезло. Кое-кто окончил свои дни в условиях, далёких от благополучия – в безнадёжной нищете, без дома, без семьи. Даже великий писатель Варлам Шаламов умер в 1982 году в полном одиночестве (54).

Какие-либо политические обобщения в отношении «возвращенцев» из Гулага также невозможны. Многие жертвы винили в своих бедах всю советскую систему; некоторые из них, как, например, Анатолий Левитин-Краснов и отец Дмитрий Дудко, стали известными религиозными фигурами и диссидентами. Другие обвиняли одного Сталина и всеми силами добивались восстановления в партии, так как считали, что «судебная реабилитация... без партийной ещё не реабилитация». Многие из них до конца своей жизни оставались «верующими коммунистами», но были и те, кто, как мой друг Евгений Александрович Гнедин, по возвращении восстановились в партии, а позже вышли из неё в знак протеста. Была также очень немногочисленная группа «возвращенцев», которым было отказано в восстановлении, по причине их причастности к гибели других жертв (55).

Нередкими были и политические конфликты между реабилитированными. Помимо споров между бывшими зеками по поводу изображения лагерной жизни в «Одном дне Ивана Денисовича», серьёзные разногласия возникли у Солженицына с другим крупным

гулаговским автором, Варламом Шаламовым, а с близким другом по Гулагу Львом Копелевым он разошёлся по «идейным» соображениям (56). Блестящий мемуарист Евгения Гинзбург, отказавшаяся восстанавливаться в партии, не смогла простить своего товарища по Гулагу Мильчакова, который, по её презрительной оценке, вернул себе не только партбилет, но и доарестное мышление (57). Один из «возвращенцев», достигший высот в научном мире, был возмущен поведением своей дочери-диссидентки, которое якобы ставило под угрозу то, за что он страдал. Похожей была и реакция дочери Бухарина, историка Светланы Гурвич, на публичные протесты её сводного брата Юрия Ларина. (Справедливости ради, следует сказать, что наука и, особенно, история всегда были очень зависимыми от политики профессиями.) Годы спустя словесная война вспыхнула между соперничающими организациями бывших зеков (58). А после распада Советского Союза, несмотря на ненависть большинства бывших репрессированных к Сталину, Карпов и священник Дудко выступили с положительной оценкой его исторической роли (59).

В своей совокупности, однако, миллионы вернувшихся из Гулага были новым важным фактором в жизни советского общества. Их общий опыт, общие чаяния и нужды рождали общие и распространённые проблемы, конфликты и культурные явления, которые требовали реакции со стороны политико-административной системы. Например, практически все «возвращенцы» добивались воссоединения семьи, права на медицинское обслуживание, квартиру, работу или пенсию, а также финансовой компенсации и возврата кон-

фискованной собственности. В ответ на это советское правительство, как правило, предлагало неписанный, но часто озвученный социальный контракт: мы удовлетворим, в определённых пределах, ваши нужды и оставим вас в покое, а вы не будете предъявлять политических претензий к прошлому. (При освобождении многих гулаговцев предупреждали, что они не должны распространяться о том, что с ними произошло.)

Государственные органы мало чем могли помочь семьям, разорванным и разбросанным по стране за годы массовых репрессий – разве что поспособствовать в поиске друг друга, да и это делали в основном друзья и другие родственники. (Более того, КГБ ещё несколько лет продолжал лгать, скрывая факты смерти близких.) (60). Детей, попавших в детские дома и интернаты, обычно удавалось отыскать, однако не всегда; порой поиск растягивался на десятилетия (61). К тому же, если дети были слишком малы и не знали своих родителей, воссоединение происходило трудно и порой заканчивалось ничем. Даже взрослые, вернувшиеся после многих лет заключения, оказывались не способны восстановить отношения с родителями, братьями и сестрами, оставшимися на свободе, как случилось, например, с Евгенией Гинзбург, обнаружившей, что её сестра «оказалась незнакомкой». (А в семье Нетто, по жестокому совпадению, в 1956 году один брат, Игорь, помог советской сборной по футболу выиграть олимпийское золото в Мельбурне, а другой, Лев, вернулся из Гулага.) (62).

Что касается браков, то многие из них безнадежно разбивались, даже в тех случаях, когда оба супруга,

и муж, и жена, оказывались в лагере (63). Когда же один из супругов (обычно жена) оставался на свободе, порой проклиная другого за клеймо, легшее на семью, вариантов было множество – от счастливого финала до горького и трагического. Было огромное множество примеров супружеской верности – я всегда вспоминаю преданную жену Гнедина, Надежду Марковну, – но не меньше было и политических отренений, разводов и новых браков (64). Те, кто, вернувшись, обнаруживали, что их никто не ждёт, часто женились снова, нередко на таких же, как они, бывших жертвах – как поступили, например, Лев Разгон, Юрий Айхенвальд и Антонов-Овсеенко – или, как Снегов, Солженицын и Олег Волков, связали свою судьбу с более молодыми женщинами (65). Очень многие вернувшиеся из лагеря женщины, по понятным причинам, так и остались одинокими, пополнив ряды вдов и незамужних женщин послевоенного времени.

Немного сделало государство и для того, чтобы помочь бывшим жертвам, страдавшим от психологического «постлагерного синдрома» – тем, кто жил в постоянной тревоге, терзаемый воспоминаниями, ночными кошмарами и ежедневными отзвуками той своей страшной жизни. Советской системе было не до этого, а советская психиатрия этого состояния не признавала. Кто-то из бывших зеков искал успокоения в общении с узким кругом себе подобных, которые были им «как семья», а некоторые даже испытывали «ностальгию» по гулаговскому братству, основанному на совместной борьбе за выживание. Многим ли из них удалось обрести душевный покой – неизвестно (66).

Государство, тем не менее, выполняло свои обязательства по обеспечению базовых материальных нужд «возвращенцев» – правда, как считали многие, в недостаточном объёме. Вопреки существующим на бумаге законам, мало кому из зеков была выплачена финансовая компенсация за годы страданий или возвращены конфискованные сбережения – сверх положенной всем суммы в размере двух месячных окладов (по доарестным ставкам). Их личные вещи, конфискованные при аресте, – многие из которых осели в семьях сотрудников НКВД-КГБ, – также, как правило, к ним не вернулись, хотя кое-кому была выплачена компенсация. (Пример из разряда особо циничных: сам прокурор Андрей Вышинский, главный обвинитель на сталинских показательных процессах 1930-х годов, присвоил себе дачу одного из осуждённых им к смерти «врагов народа».) (67). Зато большинство бывших репрессированных, в итоге, получили право на медицинское, в частности, стоматологическое обслуживание (последнее было особенно важно), жильё, работу, пенсию и другие, пусть и скромные, привилегии, которые давала система советского соцобеспечения. Пенсионная реформа 1956 года, например, расширила понятие трудового стажа, включив в него (по умолчанию) годы принудительного труда (68).

Восстановление этих преимуществ полноправного гражданства не было ни автоматическим, ни легким делом. Будучи осуждёнными «по закону», бывшие репрессированные нуждались и в официальном снятии обвинения – «реабилитации» – которую справки об амнистии и освобождении, как правило, не давали. Без этого статуса многие жертвы не имели права прожи-

вать в крупных городах, даже если были оттуда родом, или вернуться в квартиру, где жили до ареста. Обретение заветной справки о реабилитации, которая должна была перечеркнуть их собственное или их погибших родственников «темное прошлое», оборачивалось ещё одной бюрократической волокитой (69).

И здесь опять-таки проще было тем, кто мог рассчитывать на влиятельную поддержку. Активными «ходатаями» за пожилых коммунистов обычно выступали немногие избежавшие репрессий большевики «ленинской гвардии»: Григорий Петровский, Елена Стасова, Вячеслав Карпинский и, как мы ещё увидим, даже сами Хрущёв с Микояном. За деятелей культуры хлопотали такие, например, известные писатели, как Илья Эренбург, у которого секретарём работал бывший зек, и Константин Симонов (70). Тем, кому не так повезло, приходилось проходить череду долгих, волокитных процедур. Тем не менее, за десять лет правления Хрущёва (1954–1964) от 700 до 800 тысяч жертв сталинских репрессий были реабилитированы, многие из них – посмертно (71). Миллионам других пришлось ждать ещё двадцать лет – до прихода нового советского лидера-реформатора.

По сравнению с двумя последующими десятилетиями, хрущёвское руководство благоволило бывшим репрессированным, но отношение к ним снизу, со стороны бюрократического аппарата и общества, было далеко не однозначным. Среди чиновников встречались те, кто сочувствовал сталинским жертвам и оказывал поддержку, но большинство смотрело на вчерашних зеков «с подозрением». Партийное начальство называло реабилитацию «тухлой» и не доверяло лю-

дам с «нечистым» прошлым. (Особенно «нечистыми», в их глазах, были уцелевшие родственники уничтоженных Сталиным первых советских руководителей, в том числе вдова и дети Бухарина и дочь Рыкова Наталья.) Эти партийные и государственные функционеры ставили препоны на всём пути их возвращения, от освобождения до реабилитации. Даже в тех случаях, когда закон был на стороне зеков, бюрократы зачастую отказывались выдавать им необходимые документы, суды выносили решения не в их пользу, государственные чиновники отклоняли их обращения, академические начальники ставили на них клеймо «невыездной», а секретари парткомов наказывали издателей, одержимых «манией борьбы за справедливость». «Клеймо-то снято, а пятно осталось», – эти слова одного чиновника, обращенные к реабилитированному зеку, вероятно, выражали позицию многих (72).

Реакция общества также не была единодушной. Вернувшиеся зеки рассказывали много случаев проявления радушия и участия к ним, причём не только со стороны друзей и близких, но и совсем посторонних людей. Нарождающаяся либеральная интеллигенция и образованные молодые люди видели в них «нечто романтическое» и принимали «как героев». Так, пользовавшийся законным уважением и даже любовью Евгений Гнедин стал «героем поэмы» в одноимённой нашумевшей публикации (73). Однако многие рядовые граждане отнеслись к ним с враждебной подозрительностью – в основном, похоже, из-за мощного всплеска преступности, сопровождавшего массовую амнистию 1953 года (читатели, возможно, помнят позднесоветский фильм о тех событиях «Холодное

лето 1953 года»), а также из-за прочно засевших в их сознании сталинских обвинений в адрес «вредителей, изменников и убийц». Разницы между освобождёнными уголовниками и политическими заключёнными они не видели (74).

Одна социальная группа имела все основания для опасений. К 20-летнему сталинскому террору так или иначе были причастны миллионы людей – от партийно-государственных аппаратчиков, которые исполняли приказы Сталина и сотен тысяч, если не миллионов, сотрудников НКВД, которые арестовывали, охраняли, пытали и расстреливали жертв, до бесчисленной армии стукачей и охочих до клеветы добровольных доносчиков, во множестве расплодившихся в мутной пене революции. Миллионы других оказались причастны косвенно, унаследовав должности, квартиры, собственность, а иногда и семьи (жён и детей) своих сгинувших сограждан. Два поколения советских людей строили свою жизнь и карьеру, опираясь на последствия террора, который не только «уничтожал честных людей, но и портил живых» (75).

Конечно, были советские люди, которые противились соучастию в терроре и пытались помочь его жертвам – такие встречались даже среди прокуроров, следователей и лагерного начальства. Яркий пример: в недавно написанной, но неопубликованной статье петербургского историка В.С. Измозика рассказывается о судьбе ленинградского следователя НКВД Сергея Гот-Гарта, который в 1938 году написал Сталину письмо протеста против применения пыток при допросе политических заключённых – и выжил (76)!

И, всё же, к 1956 году стало очевидно, что в стране назревает глубокий конфликт между двумя группами населения – жертвами и палачами. Как провидчески писала Ахматова, чей сын был освобождён в том самом году, «теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили». Первые «дрожат за свои имена, должности, квартиры, дачи. Весь расчёт был: оттуда возврата нет» (77).

Повсеместные конфликты были неизбежны. Большинство освобождённых пассивно приняли государственную помощь, но значительное число жертв требовали большего – реальной компенсации, более крупных политических разоблачений, официального наказания виновных. Некоторые пробовали действовать, в том числе подавали иски в суд, а позднее организовывали публичные кампании по изобличению тайных агентов и информаторов Лубянки. Другие мечтали о мести в духе Монте-Кристо, правда, на деле эти мечты обычно оборачивались требованиями суда по закону (78). Кое-кто из «возвращенцев» считал, что «не виноват никто», поскольку сталинский террор лишил людей выбора, – взгляд, помогающий, возможно, объяснить роман, возникший между сыном одной из главных жертв, Юрием Томским, и дочерью покойного диктатора Светланой, а также обращения некоторых лагерных охранников к бывшим зекам с просьбой подтвердить факт их гуманного обращения с заключёнными (79).

Я лично был свидетелем одного необычного и трогательного примера подобного экуменического подхода. В 1990-е годы я познакомился с дочерью чело-

века, который в 1937 году допрашивал Бухарина в тюрьме на Лубянке, а позже сам был расстрелян, и, по просьбе обеих женщин, свел её с бухаринской вдовой, Анной Лариной. Перед встречей дочь следователя, уже не молодая женщина, очень волновалась, но Анна Михайловна сразу же успокоила её словами: «Они оба были жертвы». Однако подобные великодушные и отсутствие озлобленности были свойственны далеко не всем бывшим зекам. Гораздо больше было тех, кто уверял, что различие между «жертвами и палачами» является абсолютным и «вечным» (80).

Примеров проявления подобной конфронтации было множество. Иногда это были случайные встречи в публичных местах. Так, один бывший репрессированный упал замертво, столкнувшись лицом к лицу со своим бывшим следователем, зато другой в подобной ситуации увидел «страх смерти» уже в глазах своего мучителя. Неприятные встречи происходили в научных институтах и клубах, где «возвращенцы» неизбежно сталкивались с коллегами, которые, как они знали, приложили руку к их аресту и которые (во всяком случае, некоторые из них) теперь занимали руководящие посты. Реагировали все по-разному: один бывший зек плюнул в лицо доносчику, другой отказался пожать руку, третий сделал вид, что не узнал (81).

Нельзя не обратить внимания ещё на одно важное социальное последствие «великого возвращения». Даже в условиях жесткой, карательной цензуры жизненные испытания такой глубины и значимости неизбежно должны были найти художественное воплощение. Стихийное просачивание так называемой «лагерной темы» из недр советского общества сна-

чала в неофициальную, а затем и в официальную культуру было одним из важных процессов, характеризующих хрущёвскую оттепель. Изучаемая сегодня гораздо шире, чем в конце 1970-х – начале 1980-х годов, когда я впервые познакомился с ней в Москве, гулаговская культура охватила самые разные области, от языка, музыки и литературы до живописи и скульптуры.

Зеки, возвращавшиеся из «малой зоны», как они её называли, в «большую зону» советского общества, несли с собой особый жаргон, принятый в Гулаге, но запрещённый к употреблению в публичной речи при Сталине. Некоторых моих знакомых коробила его грубость и очевидная романтизация блатного мира, но при этом я слышал, как эти выражения проскакивали в речи многих москвичей, особенно интеллектуалов и молодых людей. (Вскоре появились и словари этого языка.) (82). Распространению гулаговской лексики способствовали также песни, исполняемые популярными бардами, в том числе сыновьями жертв Булатом Окуджавой и Юлием Кимом. (Кстати, одно музыкальное возвращение – саксофониста Рознера – имело официальный эффект: «Реабilitируем саксофоны», – заверил Рознера министр культуры в 1953 году.) (83).

Визуальное искусство, в отличие от языка и музыки, было менее портативным, а значит, его проще было запретить. Но, судя по тому, что я сам видел и слышал, уже в те годы немалое количество картин, графики и даже скульптур на тему Гулага можно было увидеть на закрытых выставках в квартирах, студиях или, как в одном случае, на лужайке перед домом зека,

оставшегося жить в Сибири (84). В техническом и жанровом отношении эти работы – практически все они были выполнены самими бывшими зеками – отличались значительным разнообразием: от больших масляных холстов, изображающих аресты и жизнь и смерть в лагерях, до мелких карандашных зарисовок истязаний нагих женщин-заключённых. О существовании подобного искусства в определённых кругах было известно уже на рубеже 1960–70-х годов, однако первые публичные выставки, состоявшиеся в конце 1980-х годов, стали сенсацией (85).

Одновременно свои переживания бывшие зеки начали излагать в прозе и поэзии. В основной своей массе эта литература оставалась частью андеграундной, или «катакомбной», культуры до времён Горбачёва – но не вся (86). Небольшой ручеек произведений на гулаговскую тему, центральное место в котором занимал «Один день» Солженицына, просочился в официальную печать уже вскоре после знаменитой речи Хрущёва 1956 года – задолго до того потока, который хлынул после его же антисталинистских разоблачений конца 1961 года. К середине 1960-х годов лагерная литература выросла в особый, мощный жанр, ставивший ребром нелегкие вопросы о прошлом и настоящем страны – о её «страшной и кровоточащей ране», как признала даже советская правительственная газета (87).

Ни одно из этих социальных явлений, имевших место после 1953 года, не может быть понято в отрыве от того, что по-прежнему являлось жестко-репрессивной политической системой. Чтобы иметь более заметное влияние на общество, эти процессы

должны были быть инициированы на самом верху. В то же время, социально-культурное измерение возвращения жертв сталинизма было таково, что оно создавало давление «на нижних этажах», которое требовало от «верхних этажей» реакции более радикальной, чем просто замечания Хрущёва на закрытом собрании партийной элиты. А когда в начале 1960-х годов такая реакция последовала, этот «гул подземных пластов» оказался важным фактором в развернувшейся политической борьбе, определившим не только её причину, но и глубину противоречий между сторонами (88).

«Хрущёвские зеки» и политика десталинизации

Немногие знают, что при Хрущёве вернувшиеся из Гулага зеки играли значительную роль в политике. Правда, в отличие от ряда восточноевропейских стран и Китая, в Советском Союзе ни один из деятелей, переживших репрессии и чистки, не вернулся в политическое руководство страны. Об этом задолго позаботился Сталин, уничтожив всех, кто потенциально мог это сделать. Некоторые из «возвращенцев» получили должности в руководящем аппарате партии, но в основном в низовых звеньях – либо потому что были уже в возрасте, либо потому что «пятно осталось». (Кому-то, по их словам, доверяли, но, как сказал бы Артур Миллер, – перефразируя известное выражение из характеристики героя его пьесы «Смерть коммивояжера» Вилли Ломана, – не вполне доверяли.) (89).

Многие бывшие зеки, однако, вернувшись, сумели занять номенклатурные посты, некоторые даже выбились в *начальники*. Среди них были маршал Рокоссовский и несколько генералов, Королёв, Баев, Борис Сучков, возглавивший Институт мировой литературы, Семён Хейман, занявший аналогичную позицию в Институте экономики, и Борис Бурковский, ставший директором музея легендарного крейсера

«Аврора» (90). В 1970-е годы я часто спрашивал своих знакомых разных профессий, есть ли среди их начальства кто-то, кто сидел при Сталине, и многие отвечали утвердительно.

Но наиболее важную политическую роль играла немногочисленная группа бывших гулаговцев, неожиданно объявившаяся близ центра власти. Все они – прежде всего, Ольга Шатуновская, Алексей Снегов и Валентина Пикина – до Гулага были старыми большевиками, занимавшими различные посты в руководстве партии. Освободившись в 1953–54 годах, они быстро оказались в числе людей, окруживших Хрущёва и его ближайшего соратника в руководстве, Микояна. (Их близость к двум лидерам слегка ослабила сопротивление, которое оказывали приёму «возвращенцев» бюрократы низовых звеньев, а некоторые чиновники среднего звена даже надеялись влиять через них на Хрущёва.) За глаза их называли «хрущёвские зеки», что звучало подчас уважительно, но, в то же время, не без издёвки (91).

Было очевидно, что Хрущёв с Микояном доверяют этим недавно освобождённым жертвам террора больше, чем сталинистам, которые продолжали доминировать в партийно-государственном аппарате. Шатуновская и Пикина вскоре заняли должности в КПК – Комитете партийного контроля ЦК, главном юридическом органе партии, осуществлявшем надзор за процессом реабилитации. Снегов и ещё один «возвращенец», Евсей Ширвиндт, оказались в руководстве Министерства внутренних дел, которому подчинялся Гулаг, а Александр Тодорский, бывший до лагеря офицером, получил чин генерал-лейтенанта и «брошен»

на реабилитацию военных жертв сталинского террора (92).

Самыми влиятельными и активными среди «хрущёвских зеков» были Шатуновская и Снегов. (Григорий Померанц, независимый философ и сам бывший репрессированный, хорошо знавший Шатуновскую и написавший ценную книгу о её жизни и деятельности, называл её «одной из самых замечательных женщин в политической истории России».) (93). Эти двое, как позже вспоминали сыновья Хрущёва и Микояна, «открыли глаза» обоим лидерам на все ужасы сталинского террора и помогли убедить нового генсека выступить на XX съезде с его исторической антисталинской речью. (В своём выступлении Хрущёв открыто признал вклад Снегова в подготовку доклада.) Своей деятельностью Шатуновская и Снегов способствовали освобождению миллионов жертв: они убедили руководителей партии немедленно освободить ссыльных, находившихся на «вечном поселении», и послать «разгрузочные» комиссии в лагеря. Когда вокруг десталинизации в правящих кругах развернулась борьба, Шатуновская со Снеговым, по словам сына Хрущёва, оказались «нужны» его отцу и Микояну, служа им «глазами и ушами», а, возможно, также и совестью (94).

Среди главных сталинских наследников не было никого, на ком не лежала бы ответственность за тысячи загубленных жизней, но раскаявшимися сталинистами стали только Хрущёв с Микояном. (Особенно отличался в этом отношении Микоян, лично помогавший многим «возвращенцам», в том числе членам семьи Бухарина. Впрочем, возможно, это объяснялось

его менее значимой и, стало быть, менее уязвимой позиций в руководстве.) (95). Хрущёв не был пионером в деле десталинизации (прецедент был установлен Берией в 1953 году), к тому же, он всю эту политику как инструмент в борьбе за личную власть. Но ни это обстоятельство, ни общая ситуация в стране в начале 1950-х годов, на которую порой ссылаются, не могут объяснить, почему Хрущёв сделал антисталинизм такой неотъемлемой частью своих реформ, что его воздействию, в конечном счёте, оказались подвержены все области политического процесса; почему он неоднократно шёл на гигантский риск, открыто разоблачая чудовищные преступления власти и освобождая уцелевших жертв репрессий; или почему он, ценой огромных затрат политического капитала, к примеру, фактически принудил членов Политбюро и ЦК принять его решение о публикации солженицынского «Ивана Денисовича» (96).

Все эти поступки, как признавали Солженицын, Медведев, Айхенвальд, Померанц, Копелев, Анатолий Рыбаков и другие, без сомнения, требовали «душевного движения», источником которого и стали «хрущёвские зеки». Как иначе объяснить выдвинутое им на съезде в 1961 году удивительное предложение о сооружении национального мемориала в память о жертвах сталинских репрессий – мемориала, которого нет и по сей день? (Следует добавить, что в семье самого Хрущёва репрессирована была, как он подчёркивал, «только» его невестка. Она отсидела в Гулаге с 1943 по 1954 год, и хотя вытащить её при жизни Сталина Хрущёв был не в силах, тайком он помогал ей.) (97).

Изобличение преступлений сталинской эпохи не раз за десять лет приводило Хрущёва к конфликтам с влиятельными оппонентами, и всегда определённую роль в них играли его зеки. Когда он инициировал судебные процессы над Берией и другими руководителями сталинской госбезопасности (большая часть их пришлась на 1953–55 годы), выжившие жертвы предстали перед судом, чтобы дать показания. Когда он готовил свою политическую бомбу, взорвавшуюся на XX съезде, он позаботился о том, чтобы в зале среди почти 1500 делегатов оказалось заметными около сотни освобожденных зеков. Когда в 1957 году он шёл на открытое столкновение в ЦК с нераскаявшимися сталинистами: Молотовым, Кагановичем, Маленковым и Ворошиловым, – Шатуновская и Снегов снабдили его свидетельствами их соучастия в сталинских преступлениях. Когда Хрущёв пошёл в публичное наступление на упорно не желавший сдаваться культ Сталина, убрав в 1961 году тело деспота из Мавзолея, ещё одна бывшая жертва, Дора Лазуркина, внесла соответствующую резолюцию на заседании съезда. А чтобы развенчать миф о сталинском Гулаге как об «исправительных работах», Хрущёв обеспечил публикацию солженицынского «Ивана Денисовича» – неприкрашенный рассказ бывшего зека о жизни в лагере (98).

Вернувшиеся из лагерей бывшие репрессированные способствовали десталинизации ещё в одном важном отношении. Споры вокруг прошлого часто становятся горячим материалом для политики, но редко этот процесс достигает такого накала, как в советские 1950–60-е (и затем в конце 1980-х годов). Ста-

линская эпоха для большинства советских граждан была всё ещё «живой историей», и их понимание её определялось десятилетиями самопожертвования и фальшивой официальной историей, которая держалась на цензуре и непрекращающихся репрессиях. Согласно этой официальной версии, Сталин в советской истории – это была черед непрерывных великих достижений страны, от коллективизации и индустриализации до победы над нацистской Германией и последующего превращения в супердержаву. Пост-сталинские элиты были продуктом той эпохи, она обеспечивала легитимность их власти и привилегий, поэтому они были решительно настроены «защищать прошлое, защищая себя», как убедился вскоре молодой писатель (и сын репрессированного) Юрий Трифонов (99).

Одновременное, пусть и молчаливое, возвращение такого количества сталинских жертв было неопровержимым свидетельством параллельного существования, наряду с историей великих побед, истории не менее великих преступлений. Да и не все из возвратившихся хранили молчание. Как и предвидел Хрущёв, они рассказывали «родственникам, знакомым, друзьям, товарищам, как всё было». (Так, по свидетельству ныне покойного историка Виктора Данилова, тепло принявшего «возвращенцев», к ним в академический институт отечественной истории из лагерей вернулись 10–12 человек, которые открыто говорили о том, что пережили.) Для слушателей, в особенности молодых людей, «их свидетельства проливали новый свет на события» (100). В идейном отношении, большинство жертв остались преданными сторонниками

Советской власти, при этом их опыт способствовал пересмотру истории, необходимому для политики реформ. Но были среди них и представители несоветских традиций. Старый меньшевик Михаил Якубович и эсерка Ирина Каховская, например, жаждали справедливости в отношении своих убиенных товарищей. Солженицын и отец Дудко отстаивали более ранние религиозные и славянофильские ценности. А бывший троцкист Михаил Байтальский и вовсе вернулся к своим иудейским корням.

Подобно жертвам Холокоста, многие из тех, кто пережили сталинские лагеря, писали мемуары о ГУлаге, потому что считали, что «это не должно повториться» (как озаглавил свою рукопись Сурен Газарян), – в том числе Евгения Гинзбург, Копелев, Разгон, Гнедин и Байтальский (101). Другие становились сами себе историками. Будучи официально причастной к расследованию сталинских преступлений, Шатуновская собрала собственную коллекцию документов и интервью, которыми исследователи пользуются и по сей день. Излюбленная тема Снегова – «Сталин против Ленина» – заставила его искать пути в закрытые архивы и ездить по стране, выступая со страстными лекциями. Тем же занимались генерал Тодорский и Мильчаков (102).

Что касается детей сталинских жертв, у которых вся жизнь была ещё впереди, многие или даже большинство из них позже примирились с советской системой и сделали успешную партийно-государственную карьеру. Одного такого молодого карьериста Анатолий Рыбаков встретил в начале 1960-х годов во время своей поездки на Ангару, где в 1930-е он сам отбы-

вал ссылку. Вся «кулацкая» семья этого молодого человека была сослана в эти края и частично погибла, не выдержав суровых условий. Сам же он стал секретарем райкома комсомола и ожидал повышения – перевода на партийную работу в Москву. Брат его работал заместителем главного инженера электростанции, а сестра – директором универсама. Обиды на власть, как писал Рыбаков, они не чувствовали. Если взять уровень повыше, то примером может служить Пётр Машеров, глава компартии Белоруссии (1965–1980) и кандидат в члены Политбюро, чей отец умер в лагере в 1938 году. Но и в этом случае, как считалось, не было ничего удивительного в том, «что сын незаконно репрессированного Советской властью (реабилитированного в 1959 году) человека мог быть искренним и убежденным сторонником этой самой власти... Таковы были и время, и люди, выкованные в горниле 1930–1940-х годов» (103).

Но не все дети жертв пошли по конформистской стезе. Рой и Жорес Медведевы и Антонов-Овсеенко стали авторами исторических исследований, изобличающих деспотическую роль Сталина. Юрий Трифонов, Леонид Петровский, Юрий Гастев, Пётр Якир и Камил Икрамов писали биографии своих пострадавших отцов. А группа детей расстрелянных генералов взялась за «восстановление исторической правды»: они собирали документы для музеев и школ в различных городах (104). (В конце 1980-х годов ещё один сын сталинской жертвы, Арсений Рогинский, стал одним из основателей общества «Мемориал».)

Лишь малая часть этой исторической правды могла быть опубликована в СССР при Хрущёве и сразу

после него. Но наружу, наряду со всё более открытыми литературными описаниями, выплыло достаточно, для того чтобы напугать всю чиновничью братию. Даже тем, кто прежде не знал об этом, становилось понятно, что власть и привилегии, как минимум, одного поколения этих чиновников были также продуктом террора в отношении миллионов их сограждан. Неудивительно, что они «боялись Истории» (105).

Обличение преступлений власти придавало моральное измерение другим политическим мерам Хрущёва и способствовало другим прогрессивным переменам. Социальные нужды, которые испытывали «возвращенцы», к примеру, ускорили осуществление реформ в области соцобеспечения и права (106). Кроме того, антисталинизм хрущёвского руководства вдохновил новое поколение советских интеллектуалов и партийно-государственных деятелей, включая Горбачёва и многих из его будущих сподвижников. Для «возвращенцев» эта смена поколений имела подчас непосредственное значение: свои документы о реабилитации многие из них сумели получить, только после того как старые, ещё сталинской поры прокуроры, которым поручили их дела, были при Хрущёве заменены более молодыми кадрами (107).

Но подобные знамения времени, означавшие, что «реабилитированные были в моде», одновременно порождали и мощную оппозицию. Бывшим палачам, особенно тем, кто всё ещё занимал высокие посты, было что терять. (Каганович возмущался, что Хрущёв предлагает, чтобы «бывшие каторжники судили нас» – реакция вполне объяснимая, если учесть, что в КПК

о делах прошлого его, Маленкова и Молотова опрашивала лично Шатуновская.) (108). Угроза нависла не только над ближайшими сподвижниками Сталина – теми, кто подписывал расстрельные списки – но и над множеством менее значимых фигур с пятнами крови на биографии, такими, например, как первый постсталинский глава КГБ Иван Серов или будущий главный идеолог партии Михаил Суслов (109).

Некоторые из тех, кто благоденствовал при Сталине, в том числе такие знаменитости, как Константин Симонов и Александр Твардовский, последовали примеру Хрущёва и рассказали (110), однако огромное большинство соучастников режима не только не считали себя виновными, но и активно противостояли Хрущёву. Сталинисты из верхушки руководства, поддержанные своими ставленниками в рядах бюрократии, пытались саботировать его политику реабилитации и лишить ожидаемого эффекта его речь на XX съезде. (Особую активность в этом деле, по сведениям Шатуновской, проявляли Суслов и Маленков.) Не сумев добиться желаемого таким способом, они попытались собрать документы, подтверждающие участие в терроре самого Хрущёва (совсем как сегодняшние сталинисты, пытающиеся дискредитировать историческую репутацию Хрущёва) и скрывающие или преуменьшающие их собственную вину, – как сделали Молотов, Каганович и Ворошилов, когда сформировали комиссию по расследованию эпизодов, в которых они принимали самое непосредственное участие. Когда и это не сработало, они совершили в 1957 году попытку сместить Хрущёва, едва не завершившуюся успехом (111).

У этих людей были все основания страшиться «судного дня» (112). По мере того как споры о прошлом становились всё более острыми, стали возникать вопросы о судебной ответственности верхушки руководства, подобные тем, что десятилетием раньше официально прозвучали на Нюрнбергском процессе. Избежать аналогии было нелегко. В Нюрнберге Советский Союз представлял обвинение. (Назначенный Хрущёвым новый генеральный прокурор СССР Роман Руденко был главным обвинителем на процессе.) И теперь, когда так много обитателей Гулага вернулись и заговорили о том, что они там пережили, связь между репрессиями сталинского времени и Холокостом становилась всё более очевидной.

Когда в 1953–55 годах одни сталинские преемники судили и казнили других («бериевскую банду»), они попытались максимально сузить дело. Судебные заседания были закрытыми, Берия был фальшиво обвинён в предательстве и шпионаже, и его преступления объявлены делом исключительно его рук, к которым прочие наследники Сталина отношения не имеют. Но даже тогда, по крайней мере, в одном случае обвинение в «преступлениях против человечности» было выдвинуто. В 1956 году отклики на доклад Хрущёва на XX съезде показали, что эта проблема готова была вот-вот выйти на поверхность. На партийных собраниях в низовых организациях звучали (тут же пресекаемые) вопросы об ответственности всего руководства за то, что произошло (113).

Тем не менее, вскоре Хрущёв перешёл ещё один рубикон, правда, опять за закрытыми дверями. На пленуме ЦК в июне 1957 года он и его сторонники уст-

роили своего рода процесс над Молотовым, Маленковым и Кагановичем (114). Цитируя шокирующие документы, добытые Шатуновской и другими, они обвинили Молотова и Кагановича в том, что они, наряду со Сталиным, несут ответственность за 1,5 миллиона арестов, совершенных только в 1937 и 1938 годах, и лично санкционировали в этот период 38679 смертных приговоров – 3167 в один из дней. Собственноручно подписанные ими кроважные приказы зачитывались вслух: «... Всех к расстрелу... Мерзавцу, сволочи... одна кара – смертная казнь».

Казалось, близится советский Нюрнберг. Когда обвиняемые, защищаясь, попытались представить свои действия как «ошибки», их громко поправили: «Преступления!». Один из сторонников Хрущёва выкрикнул в адрес трёх главных сталинских сподвижников угрозу, от которой должны были похолодеть многие из сидящих в зале партийных бонз: «Если бы только народ знал, что у них с пальцев капает невинная кровь, то он встречал бы их не аплодисментами, а камнями». Что должно последовать, казалось, было очевидно. «Во главе нашей партии, – возмущался ещё один член ЦК, – сколько-то лет стояли и руководили люди, которые являются убийцами, которых нужно посадить на скамью подсудимых» (115). Всё, однако, закончилось тем, что Молотов, Маленков и Каганович были всего лишь выведены из состава Президиума и из членов ЦК и отправлены на незначительные должности подальше от Москвы.

Это был, безусловно, драматический момент, но, всё же, наказание было несоизмеримо с преступлениями этих людей. После смерти Сталина от 50 до

100 сотрудников госбезопасности – тех, кто расстреливал и отличался особой жестокостью на допросах (один из них никак не мог вспомнить, пытал ли он Тодорского) – были привлечены к суду и примерно 28 человек приговорены к смертной казни, а остальные получили различные тюремные сроки. (Точные цифры до сих пор неизвестны.) Ещё 2370 человек получили административные наказания с лишением званий, наград, партийного членства – вплоть до пенсий (116). Кроме того, не менее десятка высокопоставленных чинов покончили жизнь самоубийством, среди них – коменданты лагерей, генералы НКВД и Александр Фадеев, многолетний сталинский нарком литературы, который оказался сломлен хрущёвскими разоблачениями, внезапным возвращением репрессированных писателей и алкоголем (117).

«Хрущёвские зеки» восприняли эти проявления торжества справедливости как первые шаги и умоляли лидера не останавливаться и привлечь к суду или по-иному наказать гораздо большее число людей. Хрущёв же не хотел «варфоломеевских ночей», как он это называл, и не хотел, без сомнения, по нескольким причинам. Он сам подписывал расстрельные списки и у него самого, как выяснил его поклонник Горбачёв, «руки в крови». («У меня руки по локоть в крови», – признавался пенсионер Хрущёв.) К тому же, хотя он и был теперь верховным лидером, он оставался уязвимым и не имел достаточной опоры в верхах. Наконец, как пересказывали другие его собственное объяснение, пришлось бы «отправить в заключение больше людей, чем освободилось при реабилитациях» (118).

Однако в октябре 1961 года Хрущёв пошёл даже дальше, совершив свою самую серьёзную, с точки зрения последствий, атаку на сталинское прошлое и его многочисленных защитников. На XXII съезде партии он и его сторонники не только существенно расширили, по сравнению с 1956–1957 годами, объём разоблачений и обвинений, но и представили их публично. Впервые на страницах газет и в радиорепортажах, информировавших советских людей о работе съезда, прозвучали слова о «чудовищных преступлениях» и необходимости восстановления «исторической справедливости», а также шокирующие рассказы об арестах, пытках и убийствах, происходивших при Сталине по всей стране. (Бывший зек Солженицын, чьи романы об этом времени ещё не были опубликованы, был потрясен: «Давно я не помнил такого интересного чтения, как речи на XXII съезде!») (119).

Это было ещё не всё. На сей раз Хрущёв не ограничился, как раньше, обвинением сталинистов в преступлениях против членов партии. В постановлении о выносе тела Сталина из мавзолея говорилось о «массовых репрессиях против честных советских людей». И впервые Хрущёв и его союзники заявили о «прямой персональной ответственности» Молотова, Кагановича и Маленкова за эти «незаконные» акты и потребовали исключить их из партии (что вскоре и случилось), а это означало, что они могли затем быть привлечены к суду. Грозный призрак будущих процессов, замаячивший в связи со ссылками на «имеющиеся многочисленные документы», как и призывы Хрущёва «тщательно и всесторонне разобраться в такого рода делах, связанных со злоупотреблением

властью», вызвали трепет в рядах тех, кто также нёс «прямую персональную ответственность».

Съезд был, пусть и временной, победой «хрущёвских зёков». Своим радикализированным антисталинизмом он был обязан отчасти им. Более того, в процессе подготовки к съезду Хрущёв создал так называемую «комиссию Шверника», чья работа стала первой попыткой «всесторонне разобраться» в тёмных делах 1930-х годов, включая ставшее первой искрой «большого террора» убийство первого секретаря ленинградской парторганизации Сергея Кирова, а также суд и расправу над Бухариным и другими основателями Советского государства. Гулаговские «возвращенцы», особенно Шатуновская, играли ведущую роль в следственной работе комиссии, которая пришла к выводу, что эти трагические события были спланированы Сталиным с целью запустить массовый террор. Накануне съезда Шатуновская передала Хрущёву предварительный отчёт, основанный на «многочисленных документах», которые он цитировал в своём докладе. Когда он читал этот отчёт, рассказывала Шатуновская, «он плакал» (120).

Хрущёвские инициативы, выдвинутые им на том съезде, явились причиной беспрецедентной трёхлетней борьбы между «друзьями и недругами» десталинизации, как выразился в 1964 году Владимир Лакшин (121). Ослабление цензуры позволило историкам начать критику всей сталинской эпохи, даже таких её «священных коров», как коллективизация и война. Но самый большой эффект оказала хлынувшая потоком литература о терроре. Взятые в совокупности, эти художественные описания создавали почти реал-

листическую, неприкрашенную картину того, что случилось с миллионами людей и их семьями. Среди опубликованных произведений, в том числе написанных «возвращенцами» и о них, было и такое стихотворение Льва Озерова: «Говорят погибшие... / Из концлагерей. Из одиночек... / Струйкой крови на полу барака / Расписалась жизнь – пока была» (122).

Осмелевшие и вдохновленные примером Хрущёва, жертвы принялись также решительно преследовать тех, кто нёс персональную ответственность за их судьбы. (Некоторые требовали убрать останки «палачей», вроде сталинского прокурора Андрея Вышинского, с почётных мест захоронения в кремлёвской стене.) Широкую известность в Москве получили два случая. Группа писателей начала кампанию по изобличению в «доносительстве» видного литературного критика Якова Эльсберга, который своими действиями способствовал аресту и смерти ряда прозаиков и поэтов. А «возвращенец» Павел Шабалкин выдвинул обвинения против двух ведущих партийных философов, Марка Митина и Павла Юдина, в причастности к его собственному аресту и в плагиате работ других репрессированных. (Тем же занимался и Эльсберг, опубликовавший под своим именем исследование о творчестве Салтыкова-Щедрина, написанное расстрелянным Львом Каменевым, одним из первых руководителей Советского государства, у которого Эльсберг работал секретарем.) Эти трое избежали реального наказания, но угроза оказалась достаточной, чтобы вызвать «психическое расстройство» у некоторых из тех, кто также нес ответственность за репрессии (123).

Вопросы типа тех, что звучали на Нюрнбергском процессе, стали – осторожно, обиняком – подниматься

в подцензурной советской печати. Между строк они прочитывались уже в полемике вокруг рассказа Солженицына и произведений других авторов о терроре, а в некоторых публикациях звучали и более открыто (124). В одном месте своих мемуаров Илья Эренбург – если взять пример, который затрагивал даже Хрущёва, – признался, что при Сталине был вынужден «жить... сжав зубы», потому что знал, что его арестованные друзья невиновны. Это его признание, или так называемая «теория заговора молчания», вызвало бурную реакцию, поскольку если даже писатель Эренбург знал правду, то её не могли не знать люди, облечённые властью (125).

Ситуация для них ухудшалась ещё и тем, что в начале 1960-х годов в Советском Союзе во множестве издавались книги о гитлеровской Германии, и некоторые комментарии, судя по всему, явно касались советской системы при Сталине. Читатели невольно переносили свой собственный недавний опыт на описания таких вещей, как культ Гитлера, гестапо, концлагеря, доноски и соучастие в преступлениях нацизма множества государственных чиновников. Когда в 1963 году в Москве показали мощный по своему воздействию документальный американский фильм «Нюрнбергский процесс», реакция оказалась ещё более обостренной (126). Учитывая возникновение этой аналогии, всё более реалистичные описания ужасов сталинского террора и всё более громкие призывы к торжеству справедливости, нетрудно понять, почему «страх перед ответственностью за свои преступления» охватил бюрократическое сообщество советского государства (127).

В какой-то момент даже относительно молодые люди, которых Хрущёв привлек в свои советники, решили, что его инициативы угрожают слишком многим людям, возможно, системе в целом. В отличие от Суслова, у Леонида Брежнева и других деятелей, правивших страной в последующие 20 лет, не было или почти не было крови на руках, но зато в избытке имелось на подошвах. Стремительно поднявшиеся наверх при Сталине, после того как их предшественников смыло волной террора, они испытывали «комплекс по поводу прошлого» (128). Их дезертирство из лагеря Хрущёва началось уже в 1957 году, когда Дмитрий Шепилов отказался отправить «на скамью подсудимых» старших товарищей – сталинистов. А в 1961 году большинство новых кремлевских лидеров, разделивших с Хрущёвым коллективное руководство страной, проигнорировали инициативы своего благодетеля, выдвинутые им на XXII съезде, показательно отмолчавшись в вопросе о преступлениях прошлого. И даже те немногие из высокопоставленных делегатов, кто поддержал антисталинистскую линию Хрущёва, на самом деле, были «против всего этого» (129).

Сопротивление его политике десталинизации продолжало нарастать и после съезда, что наглядно продемонстрировало стихотворение Евгения Евтушенко, опубликованное, по распоряжению Хрущёва, на видном месте в «Правде» в октябре 1962 года. Озаглавленное «Наследники Сталина», оно предупреждало о наличии среди власть предержащих «многих», кому «не нравится время, в котором пусты лагеря» (130). Между тем, позиции Хрущёва ослабевали, он начал терпеть поражения в закулисной борьбе. В 1962 году

Шатуновская и Снегов были смещены со своих постов, так и оставшийся неопубликованным доклад «комиссии Шверника» похоронен, а процесс реабилитации практически свернут. Дальше – больше. Несмотря на поддержку Хрущёва, Солженицыну не дали Ленинскую премию по литературе, большую редакционную статью о «Сталине и его наследниках», заказанную Хрущёвым, зарубили, и то же случилось с предложенными им поправками в Конституцию, направленными на то, чтобы не допустить повторения в будущем злоупотреблений сталинской эпохи (131). Между тем, ещё одна инициатива Хрущёва, мемориал жертвам сталинского террора, тоже так и остался не построенным.

Когда в октябре 1964 года ЦК кулуарно отстранил Хрущёва от власти, в предъявленном ему официальном обвинении о Сталине не было ни слова. (Если быть более точным, то этот вопрос был затронут на Пленуме, но лишь затем, чтобы поставить знак равенства между «культом личности» Хрущёва и «культом личности» Сталина и, тем самым, вычеркнуть массовый террор из числа сталинских «ошибок».) (132). Формально семидесятилетнему Хрущёву вменялись в вину только провалы в экономической и внешней политике, реорганизационные просчеты, всё более непредсказуемое личное поведение и нежелание соблюдать принцип «коллективного руководства». Тем не менее, главной причиной отставки был его антисталинизм в подходах к прошлому и настоящему страны. Именно он, к конечному счёту, был движущей силой его десятилетней попытки реформировать советскую систему, которая отныне уступила

место глубоко консервативной реакции. Сталинистские настроения вновь стали популярны в среде высокопоставленных партийно-государственных чиновников, которые между собой возмущались, что «тысячи вредителей за десятки лет не могли бы нанести столько вреда стране, сколько нанёс Никита». По всей видимости, прав был Солженицын, когда назвал оппозицию, мобилизованную в 1963 – начале 1964 года с целью отказать ему в Ленинской премии, «репетицией путча против Никиты» (133).

Признаки недовольства хрущёвским антисталинизмом был отчётливо заметны и на октябрьском (1964 г.) Пленуме ЦК. Суслов, которого особенно возмущало, что Хрущёв «поддерживал всю эту лагерную литературу», представил подробный обвинительный доклад, и единственным членом Политбюро, который попытался защитить Хрущёва, оказался Микоян. (Во время закрытых дискуссий, предшествовавших формальному Пленуму, Хрущёва обвинили в том, что он якобы «поносил Сталина последними словами».) (134). Всякие сомнения исчезли, когда вскоре новое руководство пошло на свертывание антисталинистских мер в отношении прошлого и восстановление некоторых черт сталинизма, в том числе исторической репутации самого тирана. Заинтересованные люди, безусловно, понимали, что означает отставка Хрущёва, которую Солженицын назвал «малой октябрьской революцией» (и начал тайком переправлять рукописи за рубеж). В то время как бериевские подручные в тюрьмах ликовали, бывшим узникам Гулага дали понять: «реабилитированные больше не в моде» (135).

Эпилог

История бывших гулаговцев и других сталинских жертв продолжалась и после Хрущёва. В самом общем смысле, их статус в Советском Союзе и постсоветской России в последующие десятилетия определялся меняющимся официальным отношением к Сталину и Хрущёву, а также отношением к ним со стороны сил реформы и консерватизма внутри политического истеблишмента.

Долгие годы правления Брежнева были эпохой торжества советского консерватизма. Чтобы гарантировать незыблемость существующей системы, новое руководство нуждалось в героизации сталинского прошлого, когда созданы были основы этой системы. Соответственно, свернуты были хрущёвские разоблачения и реабилитации (лишь «мизерное» число – 24 реабилитации – имели место после 1964 года) (136), сам Хрущёв в официальных учебниках истории представлен не иначе как «субъективист» и «волюнтарист», а роль Сталина приукрашена за счёт затенения проблемы террора и выпячивания победы в Великой Отечественной войне. (В 1970 году комплиментарный бюст Сталина был установлен на его могиле позади мавзолея.)

Впоследствии архивные находки показали, с каким презрением преемники Хрущёва относились и к ини-

циативам своего патрона, и к его «зекам». В 1974 году, десять лет спустя после выдвижения на Ленинскую премию, был арестован и выдворен из страны Солженицын. Обсуждая на закрытом заседании это решение, брежневское Политбюро обвинило Хрущёва в том, что он пригрозил «этого подонка общества». Сулов посетовал: «Не всё мы ликвидировали, что осталось нам в наследство от Хрущёва». А Брежнев, заявивший, что Солженицына не зря посадили при Сталине (мнение, которое разделяли и многие другие влиятельные фигуры, включая первого секретаря комитета Сергея Павлова и бывшего шефа КГБ Владимира Семичастного), не мог сдержать накопленного негодования: «Его реабилитировали два человека – Шатуновская и Снегов». В 1984 году последний перед Горбачёвым советский лидер, Константин Черненко, совершил ещё один, крайне символический жест, восстановив в партии 93-летнего Молотова, и даже встретился для этого с ним лично. Отмечая это событие втайне, члены Политбюро вновь сокрушались, что Хрущёв реабилитировал жертв «незаконно» и допустил «вопиющие безобразия по отношению к Сталину» (137).

За те 20 лет (1964–1984) многие бывшие чины сталинских репрессивных органов получили почётные должности или были освобождены из тюрем с хорошими пенсиями. Другие непосредственные участники террора переквалифицировались в добропорядочных служащих, как, например, Лев Шейнин, в своё время помогавший Вышинскому фальсифицировать московские процессы и готовить юридическое уничтожение обвиняемых, а позже ставший заслужен-

ным писателем. Многие реабилитированные, между тем, «перестали себя чувствовать реабилитированными» (138). Большинство из них жили тихо, не высываясь, и были оставлены в покое, но значительное число молчать не желали и были согласны с Антоновым-Овсенко, что «писать правду о Сталине – это долг перед всеми погибшими от его руки. Перед теми, кто пережил ночь. Перед теми, кто придёт после нас» (139).

В послехрущёвские 1960–70-е годы некоторые жертвы, используя своё относительно устойчивое положение, пытались говорить хотя бы частичную правду, продираясь сквозь препоны вновь ужесточившейся цензуры в средствах массовой информации. Среди них – писатели Трифонов и Чингиз Айтматов, драматург Шатров и поэт-бард Булат Окуджава, чьи отцы были расстреляны, а матери прошли через Гулаг (140). Немало бывших зеков было и среди читаемых и публикуемых поэтов той поры, включая Николая Заболоцкого, Ольгу Берггольц, Анатолия Жигулина, Бориса Ручьева, Ярослава Смелякова, Татьяну Гнедич, Андрея Алдан-Семенова, Бориса Чичибабина и – до его высылки в Америку – Наума Коржавина. (Мои друзья из числа «возвращенцев» постоянно находили в их стихах скрытые намеки на Гулаг.) Другие бывшие гулаговцы писали исключительно «в стол», но и среди них были те, кто рискнул пустить свои творения на темы «преступления и наказания» ходить по рукам в самиздате и переправить за рубеж в «тамиздат». Ну, а некоторые жертвы и их родственники стали видными представителями диссидентского движения, в том числе, конечно же, Солженицын, братья

Рой и Жорес Медведевы и Андрей Сахаров (среди его близких репрессированными были родители жены) (141).

Учитывая их возраст и годы, проведённые в нечеловеческих условиях, очевидно, немногие из бывших гулаговцев дожили до перемен, произошедших при Горбачёве. Провозгласив своей главной задачей замену существующей, унаследованной от Сталина, системы на более демократическую, Горбачёв должен был продемонстрировать во всей полноте историю её преступлений. Волна разоблачений – документальных статей, телепередач, романов, пьес и кинофильмов – захлестнула в конце 1980-х годов советские средства массовой информации. (Исключительное впечатление на меня произвёл спектакль, который я смотрел вместе с Анной Лариной, по мемуарам другой выдающейся «возвращенки», Евгении Гинзбург, когда Анна Михайловна и другие бывшие зеки в зале согласно кивали головами, а иногда и вслух подтверждали, что всё происходящее на сцене – правда.) И хотя «второго Нюрнберга», как требовали некоторые, не последовало, результатом этой кампании, начавшейся призывом к национальному «покаянию», стал заочный суд над сталинизмом в СМИ, где в первых рядах обвинителей фигурировало новообразованное общество «Мемориал», названием обязанное нереализованной инициативе Хрущёва (142).

Вновь главными героями были бывшие жертвы и палачи, но теперь и тех, и других, было, безусловно, много меньше. Перестроечные СМИ занялись поиском массовых захоронений расстрелянных в 1930–40-е годы, пионером которого выступил сын Миль-

чакова Александр, а также поиском «палачей на пенсии» и их приспешников. Большинство причастных к преступлениям, престарелые и напуганные, предпочитали прятаться от прессы, но кое-кто пытался публично оправдать своё поведение в годы террора. Поводом для одного такого выступления неожиданно послужило опубликование в Москве в 1989 году моей биографии Бухарина. 91-летний писатель Валентин Астров, единственный из молодых участников «бухаринской школы» 1920-х годов, кто пережил сталинский террор, решил ответить на высказанное мною в книге (и позже подтверждённое) предположение, что он уцелел благодаря тому, что помогал сдавать ближайших товарищей (143). Советская политика, как и во времена Хрущёва, всё ещё была «живой историей».

Однако в центре внимания в перестроечные годы были, главным образом, жертвы сталинских репрессий. Впервые их готовы были слушать, слушать участливо, и даже поощряли рассказывать обо всём, что случилось с ними и их семьями. Пережившие террор были главными действующими лицами бесчисленных и бесконечно трогательных вечеров памяти тех, чьи имена составили «национальный мартиролог», но никто из известных «возвращенцев» не пользовался такой славой, как Анна Ларина-Бухарина. В 1988 году в Москве были, наконец, опубликованы её воспоминания, а чуть ранее в том же году реабилитирован и сам Бухарин (144).

Ещё одно знаковое публичное мероприятие произошло в 1989 году. Это был памятный вечер в честь Хрущёва – первый после 20 с лишним лет его официальной опалы. Сидя на трибуне вместе с «возвра-

щенцами», у которых я тайком брал интервью десять лет назад, я видел лица множества других таких же бывших зеков в переполненном зале Дома кино. Некоторые из них плакали. Большинство из них теперь знали о тёмной стороне хрущёвской карьеры: о крови на его руках, о том, что он не сказал всей правды о прошлом, о его собственных репрессивных мерах после 1953 года. Но это не уменьшило их благодарности к нему, в выражении которой они были практически единодушны: «Хрущёв вернул мне мою жизнь». Анна Ахматова говорила от лица всех их, заявив много лет назад: «Я – хрущёвка» (145).

Так же, как у его предшественника в деле советских реформ, правосудие было «неотъемлемой составной частью» политики Горбачёва. С 1987 по 1990 год официально реабилитированы были ещё миллион человек, а затем, на основании его указа, и все оставшиеся жертвы (146). Враги Горбачёва, в ответ на эти и другие шаги, пеняли ему на то, что в основе его антисталинизма лежит «идеология бывших зеков», и отчасти, возможно, были правы. Ряд членов его руководства из числа близких и ближайших сподвижников имели репрессированных при Сталине родственников, в том числе, Эдуард Шеварнадзе, Егор Лигачев, Борис Ельцин, Вадим Бакатин, да и у самого Горбачёва оба деда были арестованы в 1930-е годы. (Они уцелели, а вот дед его жены Раисы Максимовны был расстрелян.) (147).

Правда, материальных последствий вся эта реабилитационная политика, как правило, не имела. Было несколько счастливых исключений, например, кооперативная дача Леонида Серебрякова, конфискован-

ная Вышинским в 1937 году и сменившая после его смерти в 1954 году нескольких владельцев, включая советского премьер-министра Алексея Косыгина, в конце концов, была возвращена дочери Серебрякова, Зоре. Семье Бухарина незнакомые люди прислали некоторые вещи, конфискованные из его квартиры в 1937 году, а директор одного московского антикварного магазина вывел меня на одну из картин Бухарина, украденную после его ареста. Однако, несмотря на всё внимание и все обещания, выданные Горбачёвым жертвам террора, многие из них продолжали владеть столь бедственное состояние, что одна из организаций бывших узников опубликовала в 1990 году «СОС с архипелага Гулаг» с призывом о частных пожертвованиях. Между тем, финансово несостоятельное, на глазах рассыпающееся правительство Горбачёва, каким оно было в 1991 году, было в принципе не способно обеспечить выплату тех компенсаций и льгот, которые были им гарантированы законодательно (148).

Размытость статуса жертв советской эпохи перекочевала и в постсоветскую Россию. Её первый президент Ельцин формально реабилитировал всех граждан, пострадавших от политических репрессий, начиная с октября 1917 года (то есть, не только сталинских), а затем включил в эту категорию и их детей, распространив на них право на компенсации (149). Вдобавок, Ельцин объявил 30 октября днем национальной скорби по жертвам и принял закон о допуске бывших репрессированных и их родственников к их делам в ранее закрытых секретных архивах. (Было бесконечно трогательно наблюдать, как эти пожилые люди в читальном зале Лубянки, где я работал по поручению

семьи Бухариных, изучают потрепанные папки, содержащие документальные свидетельства их собственной судьбы или открывающие страшные подробности судеб их близких.)

Вообще, сюжеты об эпохе террора стали привычным аспектом постсоветской популярной культуры, включая её главный медиаресурс – телевидение. Общество «Мемориал» превратилось во всероссийскую и даже международную структуру, ведущую всё более широкий поиск массовых захоронений, помогающую возводить памятники на территории Гулага и издающую ценные документальные исследования о судьбах жертв и их палачей. Во многих провинциальных российских городах были опубликованы свои мартирологи. А в 2004 году Антонов-Овсеенко, при поддержке столичного мэра Юрия Лужкова, открыл в центре Москвы, на Петровке, первый официальный (и пока ещё мало известный) Музей истории Гулага.

С другой, отрицательной, стороны, мало кто из ещё оставшихся в живых бывших узников Гулага получил реальные, сколько-нибудь значимые компенсации за утраченную жизнь и собственность. К 1993 году интерес к сталинскому террору и его жертвам в российском обществе претерпел «катастрофический упадок» (150). Национальный мемориал, обещанный Хрущёвым в 1961 году и одобренный Горбачёвым в конце 1980-х, так и не был построен. К началу XXI века и в официальных кругах, и в массовом сознании значительно усилились просталинские настроения, одна за другой выходили отлакированные биографии одиозных энкаведешников, и всё больше людей от-

кровенно заявляли, что никакого Гулага не было и надо покончить с «реабилитационной эйфорией». Всё чаще люди говорили (и, видимо, верили), что в Гулаге сидели сплошь уголовники, потому что «Сталин не репрессировал никого из честных граждан», а не терпевшего зависимости Солженицына и после его смерти продолжали поносить как агента «мощной идеологической машины Запада» (151).

Многие западные обозреватели связывали постсоветские симпатии к Сталину с усилением авторитаризма во власти при Владимира Путине – бывшем офицере КГБ, ставшем президентом России в 2000 году. Однако, хотя это явление действительно получило развитие при Путине (путинское правительство не пожелало признать моральный долг перед жертвами сталинских репрессий) (152), основные составляющие его возникли ещё в ельцинские 1990-е: от болезненной для экономики и общества «шоковой терапии», ставшей главным источником новой вспышки просталинских настроений, до реабилитации КГБ и сокращения демократических практик, последовавшего за тем, как в 1993 году Ельцин из танков расстрелял всенародно избранный парламент и отдал своё политическое будущее на откуп новой олигархической элите, поднявшейся на награбленной государственной собственности. То есть, возрождение сталинизма – так же, как в своё время при Брежневе – похоже, в какой-то степени было и до сих пор остаётся формой народного протеста против новой государственной бюрократии, сформировавшейся при Ельцине.

Не наблюдалось при Путине и подавления антисталинизма. Доступ к соответствующим архивным де-

лам, хотя и стал несколько ограниченным, сохранился – во всяком случае, в тех архивах, в которых я работал – и были рассекречены новые, в провинциальных архивах. Продолжали публиковаться сборники секретных документов по истории террора. Переименованный в ФСБ, КГБ, продолжая начатую при Горбачёве практику, устраивал встречи с некоторыми бывшими зеками и даже удостоивал их почестей, как, например, в 2006 году, когда Сергей Степашин вручил награду поэту Науму Коржавину и даже пригласил его выступить на Лубянке. По популярным антисталинистским романам, таким как «В круге первом» Солженицына и «Дети Арбата» Рыбакова, были сняты многосерийные художественные фильмы, показанные на государственных каналах телевидения. А государственная электрическая компания (РАО ЕЭС) в 2008 году спонсировала издание книги о роли труда заключённых Гулага в советской индустриализации (153). И всё это на фоне непрекращающейся (и, подчас, безвкусной и циничной) коммерциализации лагерной темы, проявившейся, к примеру, в распространении специфического шансона или в идее туризма по лагерным местам.

Что касается роли самого Путина в сложившейся ситуации, то она была противоречивой. С одной стороны, он сделал широко растиражированные прессой заявления в поддержку нового учебника истории, ставшего самой амбициозной попыткой после 1953 года реабилитировать историческую репутацию Сталина и период его правления в целом. Многолетний массовый террор был в нём представлен как «рациональный» тип «мобилизации общества», «адекватный

задачам модернизации», чьи жертвы были относительно немногочисленны и ограничивались «правящим слоем» коммунистов. (Серьёзные российские и западные историки давным-давно развенчали обе эти апологии.) С другой стороны, одним из первых шагов Путина на посту президента было указание расширить расследование преступлений сталинской эпохи, а среди его последних президентских деяний в 2007 году было личное посещение и вручение государственной награды символу гулаговской судьбы – Солженицыну и посещение в день памяти политрепрессированных Бутовского полигона НКВД – места массового расстрела и захоронения жертв, что стало первым визитом такого рода российского (и советского) лидера (154). (Следует также отметить, что смерть Солженицына в 2008 году ознаменовалась похоронной церемонией государственного ранга и другими официальными актами по увековечению его памяти.)

Наличие противоречия в поведении Путина говорит о том, что в российской политической элите и в обществе в целом до сих пор существует глубокий раскол по поводу отношения к сталинскому прошлому. Опросы общественного мнения, предпринятые в последние годы, показывают, что нация практически поровну разделена на тех, кто думает, что Сталин был «мудрым руководителем», и тех, для кого он был «бесчеловечным тираном»; причём среди молодых россиян просталинские настроения распространены не менее широко (155).

Это означает, что борьба в российской политике (и душе) по поводу оценки сталинской эпохи, начавшаяся с возвращением гулаговцев более 50 лет назад,

ещё не окончена. Или, как написал недавно один антисталинист, конфликт между «двумя Россиями», увиденный Ахматовой в 1956 году, «не исчерпан до сих пор» (156). Сегодня символическим выражением этой борьбы опять является кампания за создание национального мемориального музея памяти сталинских жертв. Теперь её возглавляют бывший советский президент Горбачёв, общество «Мемориал», «Новая газета» и один из главных её акционеров, Александр Лебедев, а противостоит им армия коммунистов и про-сталински настроенных националистов (157).

Обе стороны, как и многие российские и западные обозреватели, уверены, что борьба эта ведётся в не меньшей степени вокруг настоящего и будущего России, как и вокруг её прошлого. И новому президенту Дмитрию Медведеву, если он станет реальным лидером, неизбежно придётся столкнуться с этой проблемой, как сталкивались с ней все его предшественники, начиная с 1953 года. (В сентябре 2008 года Медведев, следуя примеру Путина, публично почтил память жертв колымских лагерей.) Ведь только национальный лидер, какова бы ни была его позиция, может добиться, чтобы то или иное официальное решение было принято. Чтобы убедиться в этом, россиянам достаточно посмотреть на опыт президента Казахстана Нурсултана Назарбаева, сыгравшего самую непосредственную роль в создании национального и многих других памятников жертвам сталинских репрессий в этой бывшей советской республике (158).

Думаю, читатели поймут, на чьей стороне мои симпатии. Но при этом мне, как американцу, трудно ругать Кремль (что частенько делают западные ком-

ментаторы), за то, что он до сих пор не осудил официально сталинские преступления – хотя, по сути, Горбачёв с Ельциным это сделали – и за то, что в России до сих пор нет памятника жертвам. В моей собственной стране только в 2008 году, то есть, почти 150 лет спустя после отмены рабства, Палата представителей американского Конгресса наконец-то официально извинилась за содержание в рабском состоянии миллионов чернокожих, но этого до сих пор не сделал ни президент, ни Конгресс в целом. Нет у нас ни американского национального мемориала пострадавшим от рабства, ни даже чего-то подобного тем сотням маленьких провинциальных (сельских, школьных) музеев и памятников, существующих в память о Гулаге в современной России. И наши адвокаты покаяния тоже утверждают, по отношению к рабству, что хотя «извинения не могут изменить прошлое... есть надежда, что они изменят будущее» (159).

Нациям, в истории которых соседствуют великие достижения и великие преступления – «величие и беда», как много лет назад охарактеризовал сталинскую эпоху поэт Борис Слуцкий, – по-видимому, нелегко прийти к согласию о том, как уравновесить то и другое. Поколения должны смениться, раны памяти – затянуться, а ещё нужны лидеры, обладающие необходимым видением и мужеством, чтобы вылечить раны и закончить конфликт. (Частые ссылки на опыт денацификации Германии – пример неподходящий, поскольку те меры были изначально навязаны побеждённой стране оккупационными силами.)

Одно ясно наверняка. Как я утверждал 25 лет назад (160), жар сталинского прошлого, каким бы далё-

ким и потухшим оно ни казалось, обязательно ещё даст о себе знать в будущей политике, как оно и случилось, роковым образом, в конце 1980-х годов. И это утверждение остается актуальным, по крайней мере, по трем причинам. Во-первых, хотя большинства сталинских жертв сегодня уже нет в живых, население России в значительной мере состоит из их потомков, в частности, их внуков, впервые заявивших о себе при Горбачёве. (Согласно опросам, 27 процентов россиян сказали в 2006 году, что имеют родственников, репрессированных при Сталине.) (161). Во-вторых, возглавить новое сведение счётов с прошлым должно, скорее всего, поколение, созревшее в эпоху горбачёвской гласности – точно так же, как «дети XX съезда» и хрущёвской оттепели возглавили его предыдущий этап в конце 1980-х.

Но, самое главное, подобный расчёт с прошлым неотвратим, он остается в повестке дня нации, поскольку у исторических преступлений масштаба сталинских нет срока давности. А раз так, в эпоху «великого возвращения» рано ставить точку.

Примечания

1. См.: *Ларина-Бухарина А.М.* Незабываемое. – М., 1989. Книга затем несколько раз переиздавалась издательством «Вагриус».

2. В юбилейном, выпущенном к 40-летию книги, издании «Большого террора», Конквест отметил, что новых материалов по террору «хватит для поколений археологов». *Conquest Robert.* The Great Terror. – New York, 2007. P. xiii.

3. По поводу дискуссии см. *Cohen Stephen F.* Rethinking the Soviet Experience. – New York, 1985 (особенно главы 1, 3–5), или, в тамиздатовском переводе, *Коэн Стивен.* Переосмысливая советский опыт. – Benson, VT, Chalidze Publications, 1986.

4. Моей первой попыткой стала статья «The Friends and Foes of Change», опубликованная в сборнике *Cohen Stephen, Rabinowitch Alexander and Sharlet Robert, eds.* The Soviet Union Since Stalin. – Bloomington, IN, 1980; о других попытках см. *Cohen.* Rethinking.

5. Была, правда, полезная, хотя и узкоспециальная диссертация Джейн Шапиро: *Shapiro Jane P.* Rehabilitation Policy and Political Conflict in the Soviet Union. – Columbia University, 1967, и книга Геллера на близкую тему: *Геллер Михаил.* Концентрационный мир и советская литература. – London, 1974.

6. *Солженицын Александр.* Архипелаг Гулаг. 7 частей в 3-х томах. – Paris, 1973–75. Т. 3. С. 466–492.

7. См. *Zorin Libushe.* Soviet Prisons and Concentration Camps: An Annotated Bibliography. – Newtonville, 1980. Было и два важных исключения: *Гинзбург Евгения.* Крутой мар-

шрут. – Смоленск, 1998. Ч. 2 и 3 и *Солженицын Александр*. Бодался теленок с дубом. – Paris, 1975.

8. Дариуш Толчик (*Tolczik Dariusz*. See No Evil. – New Haven, 1999. P. xix–xx. Chap. 4–5.) пишет о том же, но исходя из идеологических позиций, которые сужают круг гулаговских авторов до одного Солженицына. См. также *Toker Leona*. Return From the Archipelago. – Bloomington, IN, 2000. Варлам Шаламов, возможно, величайший из лагерных писателей, был против такого пренебрежительного подхода к другим авторам. См. его письмо Солженицыну: Независимая газета. 1998. 9 апреля.

9. Некоторые из них я читал в Ленинской библиотеке в Москве, другие – в американских университетских библиотеках.

10. Радио «Свобода» в Мюнхене составляло непрерывно пополняемый каталог – «Архив самиздата».

11. См. *Medvedev Roy and Chiesa Giulietto*. Time of Change. – New York, 1989. P. 99–100; а также *Антонов-Овсенко А.В.* Враги народа. – М., 1996. С. 367. По поводу моих отношений с Медведевым см. нашу с ним беседу: Новая и новейшая история. 2006. № 2. С. 94–101.

12. Рассказать историю своей жизни Баев решился только много лет спустя. См. Академик Александр Баев. Под ред. А.Д. Мирзабекова. – М., 1997. Гл. 1.

13. Кроме того, я получил на хранение от первой жены Солженицына, Натальи Решетовской, экземпляр её неопубликованных воспоминаний (более 2200 страниц), где рассказывалось об истории ещё нескольких освобожденных зеков.

14. См. *Солженицын*. Архипелаг Гулаг; *Medvedev Roy*. Let History Judge. – New York, 1972; *Antonov-Ovseenko Anton*. The Time of Stalin. – New York, 1981. Об отношениях Солженицына с другими гулаговцами после освобождения см. *Сараскина Людмила*. Александр Солженицын. – М., 2008. Ч. 5 и 6, а об отношениях Медведева – его рассказ в журнале Подъем. 1999. № 7. С. 203–219 и № 9. С. 208–225.

15. См. *Тимофеев Андрей* // Литературная газета. 1995. 23 августа; *Юнге Марк, Биннер Рольф*. Как террор стал большим. – М., 2003.

16. Несколько анкет такого рода были составлены после 1985 года. См. Горизонт. 1989. № 7. С. 63–64; *Adler Nancy*. The Gulag Survivor. – New Brunswick, 2002. P. 121; Москвичи в Гулаге. – М., 1996. С. 51–52; *Figes Orlando*. The Whisperers. – New York, 2007. P. 662.

17. *Сараскина*. Указ. соч. С. 553. Это подтверждается в упомянутых выше (прим. 13) мемуарах Решетовской. Замечательное исследование Файджеса основано на гораздо большем, чем у меня, числе примеров, но оно было выполнено в пору, когда конспирация уже не требовалась, и, к тому же, у него было несколько групп помощников по всей России. *Figes*. The Whisperers. P. 657–665.

18. *Cohen Stephen F., ed*. An End to Silence. – New York, 1982; and *Cohen*. Rethinking.

19. *Adler*. Gulag Survivor; *Адлер Нэнси*. Трудное возвращение: судьбы советских политзаключенных в 1950–90-е годы. – М., 2005.

20. Вступительная статья к книге *Антонов-Овсенко А.* Портрет тирана. – М., 1995. С. 3.

21. *Applebaum Anne*. Gulag. – New York, 2003. P. 515.

22. В качестве примеров воспоминаний, в дополнение к тем, что были упомянуты в прим. 7, см. *Туманова Анна*. Шаг вправо, шаг влево... – М., 1995; *Мильчаков Александр*. Молодость светлая и трагическая. – М., 1988; *Негретов Павел*. Все дороги ведут на Воркуту. – Benson, VT, 1985; *Жигулин Анатолий*. Черные камни. – М., 1989; *Миндлин Михаил*. Анфас и профиль. – М., 1999 и *Шатуновская Ольга*. Об ушедшем веке. – La Jolla, CA, 2001. Большинство мемуарных свидетельств, однако, по-прежнему касаются жизни в Гулаге, как, напр., собранные в книге *Vilensky Simeon, ed*. Till My Tale Is Told. – Bloomington, IN, 1999. По поводу об-

щих работ западных исследователей см. выше, прим. 8 и 21, а также *Hochschild Adam. The Unquiet Ghost. – New York, 1994; Montefiore Simon. Stalin. – London, 2003; Smith Kathleen. Remembering Stalin's Victims. – Ithaca, 1996; Merridale Catherine. Nights of Stone. – New York, 2001; and Figes. The Whisperers.*

23. Это замечание относится к 2005 году, когда вышло русское издание книги Адлер. В настоящее время она продолжает своё исследование, сосредоточившись на изучении отношения бывших политзаключенных к КПСС, а в 2006 году в Гарвардском университете состоялась посвящённая Гулагу и «возвращенцам» конференция, по итогам которой, возможно, будет издан сборник статей. Соответствующий раздел книги Файджеса (*The Whisperers*, chap. 8), хотя и носит слишком обобщающий и не вполне объективный характер, также представляет определённую ценность. Что касается русских исследований, то в них этой теме посвящено лишь несколько страниц. См., напр., *Zubkova Elena. Russia After the War. – Armonk, 1998; Мир после Гулага. – СПб., 2004.* По поводу архива «Мемориала» см. Мемуары о политических репрессиях в СССР, хранящиеся в архиве общества «Мемориал»: Аннотированный каталог. – М., 2007. По поводу сборников архивных документов см. Реабилитация. В 3-х томах. – М., 2000–2004 и Дети Гулага. – М., 2002, изданные под общей редакцией А.Н. Яковлева. Среди наиболее полно документированных случаев возвращения – семья Бухарина. См. *Ларина-Бухарина. Незабываемое; Юнге Марк. Страх перед прошлым. – М., 2003; Бухарин В.И. Дни и годы. – М., 2003; Россия и Европа. № 4. Под ред. А.С. Намазовой (о дочери Н.И. Бухарина С. Гурвич) и моё предисловие к англоязычному изданию тюремного романа Бухарина: Nikolai Bukharin. How It All Began. – New York, 1998.*

24. *Александр Прошкин // Советская культура. 1988. 30 июня.*

25. Не существует единого мнения по поводу того, сколько узников прошли через Гулаг за этот период, хотя в Рос-

сии и на Западе на этот счёт имеется весьма обширная (и противоречивая) литература (среди главных проблем – соотношение политических и уголовных элементов и количество повторных попаданий в лагерь). Я использую цифру, возможно, не новую и не окончательную, которую в последние годы приводит общество «Мемориал». Я также благодарен Стивену Уиткрофту и Александру Бабёнышеву (Максудову) за экспертную консультацию, хотя их цифры несколько другие.

26. См., напр., *Шаламов Варлам. Колымские рассказы. – London, 1978; Гинзбург. Крутой маршрут. Ч. 2 и 3; Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича // Новый мир. 1962. № 11; Дьяков Борис. Повесть о пережитом. – М., 1966, а также Литературная газета. 2007. 4–10 июля.*

27. См., напр., *Кинг Дэвид. Отретушированная история. – Будапешт, 2002, а также Флиге Ирина // Горбачёвские чтения. 2007. № 5. С. 132; Яковлева Т. // Комсомольская правда. 1989. 12 июля.*

28. Согласно архивным источникам, перед самой сталинской смертью в лагерях и колониях Гулага отбывали срок 2,7 миллиона заключённых и ещё 2,8 миллиона человек проживали в спецпоселениях. *Суслов А.Б. // Вопросы истории. 2004. № 3. С. 125; История сталинского Гулага. В 7-ми томах. – М., 2004–2005. Т. 5. С. 90.* По поводу этих цифр есть, по крайней мере, два сомнения. Принято считать, что половину заключённых в лагерях и колониях составляли уголовные элементы, но это получается слишком большая цифра. Что касается числа обитателей специальных поселений, которые предназначались в основном для депортированных социальных групп и народов, то оно может не учитывать тех, кто был переведён на поселение после отбытия срока в лагере, или тех, кто, как ряд моих знакомых, изначально был приговорён к ссылке. См., напр., дискуссию по этому вопросу в: *История сталинского Гулага. Т. 5. С. 23–24, 90.*

29. *Герштейн Эмма*. Мемуары. – СПб., 1998. С. 355.
30. В моём архиве имеются десятки таких примеров. Из книг, помимо упомянутого сборника «Дети Гулага», стоит выделить четыре: *Ларина-Бухарина*. Незабываемое; *Yakir Pyotr*. A Childhood in Prison. – New York, 1973; *Икрамов Камил*. Дело моего отца. – М., 1991; *Шихеева-Гайстер Инна*. Семейная хроника времен культа личности. – М., 1998 и *Matthews Owen*. Stalin's Children. – New York, 2008. Кстати, сын Бухарина и другие свидетельствуют, что детские дома вовсе не были жестокими и бездушными учреждениями, как их обычно изображают. См., напр., *Сериков Владислав и Овчинникова Ирина* // Известия. 1988. 1 мая; 1992. 22 июня; *Николаев Михаил*. Детдом. – New York, 1985. О сиротских учреждениях в России в этот период см. *Kelly Catriona*. Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991. – New Haven, 2007. P. 221–258.
31. «Подпорченными биографиям» – людям, «чья судьбы были исковерканы политическими репрессиями» (Алексей Карпычев, Российские вести. 1995. 28 марта) – отведено много места в упомянутой книге Файджеса. По поводу льгот см., напр., случай вдовы Петра Петровского: Голоса истории. № 22. Книга 1. – М., 1990. С. 230.
32. См. *Вавилов Ю.Н.* В долгом поиске. – М., 2004; *Ефимов Борис*. Десять десятилетий. – М., 2000; некрологи В. Марецкой в «Правде» (19.08.1978) и «Литературной газете» (30.08.1978), в которых даже не были упомянуты её братья, о чьей судьбе позже рассказала Т. Яковлева (Комсомольская правда. 1989. 12 июля); *Аросева Ольга и Максимова Вера*. Без грима. – М., 2003; *Plisetskaya Maya*. I, Maya Plisetskaya. – New Haven, 2001.
33. См. интервью с Алексеем Новиковым // Российские вести. 1995. 28 марта.
34. Новый мир. 1988. № 6. С. 106.
35. История сталинского Гулага. Т. 3. С. 38.

36. См., напр., переписку между Герштейн, Гумилевым и Ахматовой: *Gerstein Emma*. Moscow Memoirs. – New York, 2004. P. 448–470; *Герштейн*. Мемуары. С. 353–386.

37. По поводу жены Молотова см. *Никонов Вячеслав* // Книжное обозрение. 2005. № 27–28. С. 3; *Taubman William*. Khrushchev. – New York, 2003. P. 246. По поводу родственников других лидеров см. *Medvedev Roy and Medvedev Zhores*. The Unknown Stalin. – New York, 2004. P. 107–108; по поводу коммунистов см. *Мильчаков*. Молодость светлая...; *Шатуновская*. Об ушедшем веке; *Гронский Иван*. Из прошлого... – М., 1991. С. 192–196. О деле Семена Ляндреса, одно время работавшего помощником у Бухарина, см. *Семенова Ольга*. Юлиан Семенов. – М., 2006. С. 31–32; о врачах – *Этингер Яков* // Новое время. 2003. № 3. С. 38; о Фёдоровой – *Fyodorova Victoria and Frankel Haskel*. The Admiral's Daughter. – New York, 1979. P. 185; о братьях Старостинных – *Moscow News*. 1988. Feb. 5–12; о Рознере – *Цейтлин Юрий* // Крокодил. 1989. № 7. С. 6; о Каплере – *Каплер Алексей*. «Я» и «мы»: взлеты и падения рыцаря искусства. – М., 1990. С. 7, 217.

38. Реабилитация. Т. 1. С. 213. По поводу медленного процесса см. случай Всеволода Мейерхольда: *Ряжский Б.* Как шла реабилитация // Театральная жизнь. 1989. № 5. С. 8–11. См. также *Адлер*. Указ. соч. Гл. 3.

39. *Adler*. Gulag Survivor. P. 89, 104. По поводу толп см. *Ряжский*. Указ. соч. С. 10, а по поводу апелляций – *Шатуновская*. Об ушедшем веке. С. 431 и *Антонов-Овсеенко*. Портрет тирана. С. 452.

40. *Герштейн*. Мемуары. С. 359.

41. Реабилитация. Т. 2. С. 6, 9 и документы из части I. В качестве примеров прошений см. *Росляков Михаил*. Убийство Кирова. – Ленинград, 1991. С. 15–17 и *Gerstein*. Moscow Memoirs. P. 467. О решении читать речь на партийных собраниях и о реакциях см. Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 166; *Medvedevs*. Unknown Stalin. P. 103–105; *Рыбаков Ана-*

толий. Роман-воспоминание. – М., 1997. С. 195. По поводу Копелева см. *Орлова Раиса и Копелев Лев*. Мы жили в Москве. – М., 1990. С. 25.

42. Моё изложение сюжета о комиссиях основано на двух различных, но, в целом, совместимых источниках: Реабилитация. Т. 2. С. 6–7, 193, 792–793 и *Шатуновская*. Об ушедшем веке. С. 274–277, 286–289. См. также Adler. Gulag Survivor. P. 169–171; *Микоян Анастас*. Так было. – М., 1999. С. 595. По поводу «разгрузочных партий» см. *Солженицын*. Архипелаг Гулаг. Т. 3. С. 525. Многие из моих знакомых «возвращенцев» согласны с таким изложением. См. также рассказ сына Льва Каменева в газете Социалистическая индустрия. 1989. 11 января и *Туманова*. Шаг вправо... С. 195. По некоторым оценкам, число освобождённых комиссиями зеков было много выше. См. *Medvedevs*. Unknown Stalin. P. 115.

43. *Земсков В.Н.* // Социологические исследования. 1991. № 7. С. 14.

44. См. *Лакишин Владимир* // Литературная газета. 1994. 17 августа; *Grossman*. Forever Flowing. Chap. 1; *Солженицын*. Архипелаг Гулаг. Т. 3. С. 556; *Носов Е.* // Никита Сергеевич Хрущёв. Под ред. Ю.В. Аксюткина. – М., 1989. С. 98.

45. *Антонов-Овсеенко*. Портрет тирана. С. 451; *Шатуновская*. Об ушедшем веке. С. 282.

46. *Солженицын*. Архипелаг Гулаг. Т. 3. С. 470.

47. Примеры см. *Негретов*. Все дороги...; *Гинзбург*. Крутой маршрут. Ч. II; *Выгон Михаил*. Личное дело. – М., 2005; Мир после Гулага. С. 36–40. По поводу Казахстана см. *Капелюшный Леонид* // Известия. 1992. 17 декабря. Поэтические подборки о любви к этому краю появились в журналах «Простор» и «Байкал». См. также Adler. Gulag Survivor. P. 231–233.

48. См. *Hochschild*. Unquiet Ghost; *Thubron Colin*. In Siberia. – New York, 1999. P. 38–48, а по поводу черепов –

Евтушенко Евгений // Литературная газета. 1988. 2 ноября. О Воркуте после 1953 года, в частности, см. Новая и новейшая история. 1998. № 1. С. 35.

49. Из поэмы «По праву памяти» (в СССР впервые опубли. в 1987 г.: Новый мир. 1987. № 3; Знамя. 1987. № 2).

50. По поводу смерти «от свободы» см. *Applebaum*. Gulag. P. 512. В качестве примеров первых см. случаи Юлиана Хренова (Литературная газета. 2007. 4–10 июля), Бориса Збарского (Правда. 1989. 5 апреля) и Даниила Андреева (Гражданин России. 1993. № 4). По поводу должностителей см. истории Олега Волкова (Собеседник. 1990. № 2) и Анны Носовой (Огонёк. 1989. № 12). Некоторые, напр., Ольга Тарасова и Николай Глазов, сумели перешагнуть 100-летний рубеж. См. Неделя. 1990. № 33 и ЭКО. 1991. № 4. С. 197. Все мои знакомые прожили больше 70 лет. Брат Бухарина Владимир умер в возрасте 88 лет.

51. Олег Хлебников о Шаламове // Новая газета. 2007. 18–20 июня. См. также *Gerstein*. Moscow Memoirs. P. 423; *Baitalsky Mikhail*. Notebooks for the Grandchildren. – Atlantic Highlands, NJ, 1995. P. 420; *Разгон Лев*. Непридуманное. – М., 1989; выступление Снегова на закрытом совещании партийных историков в 1965 г.; некролог Валентина Зека (Сokolova) // Русская мысль. 1984. 20 декабря и *Сараскина*. Александр Солженицын. С. 456. Примерами крепкой дружбы могут служить мои московские знакомые. См. также *Жигулин*. Черные камни. С. 265–271. О тех, кто жил в страхе, см. упомянутые книги Адлер и Файджеса, а про «тюремную кожу» – *Bardack and Gleeson*. After the Gulag. P. 26.

52. См. самые разные примеры в кн. Академик А. Баев. Гл. 1 и *Туманова*. Шаг вправо... С. 213–226.

53. См. соответственно: *Каргамов В.* Рокоссовский. – М., 1972. С. 147–148; *Лакишин Владимир*. Открытая дверь // Огонёк. 1988. № 20. С. 22–24; *Королева Н.* Отец. Т. 2. – М., 2002; Литературная газета. 2007. 1–7 августа; выше, прим. 12 и 37; *Жженов Георгий*. Прожитое. – М., 2005; *Вельями-*

нов Пётр // Советская Россия. 1989. 4 июня; Сац Наталья. Жизнь – явление полосатое. – М., 1991. С. 286–392. По поводу Айхенвальда см. его некролог // Искусство кино. 1993. № 9. С. 127–128.

54. По поводу «хэппи-энд», помимо уже перечисленных примеров, см. *Зараев Михаил* // Огонёк. 1991. № 15. С. 15 (где и появился термин); *Мильчаков*. Молодость светлая...; *Миндлин*. Анфас и профиль; *Туманова*. Шаг вправо...; *Шифрин Ефим* // Аргументы и факты. 1991. № 1. По поводу противоположных примеров см. *Cohen, ed.* An End. P. 101–102 и более широко – *Adler. Gulag Survivor; Figes. The Whisperers*. По поводу Шаламова см. *Захарова Елена* // Новая газета. 2007. 8–11 ноября.

55. См., напр., *Савельев Алексей* // Молодой коммунист. 1988. № 3. С. 57; *Рыкова Наталья* (чьи слова, сказанные ею от лица своей матери, приведены здесь) // Реабилитация. Т. 2. С. 351; *Семенова*. Юлиан Семенов. С. 32. Точка зрения на проблему см. *Adler. Gulag Survivor*. P. 29, 205–223. О Левитине-Краснове см. его *Левитин-Краснов*. Лихие годы. – Paris, 1977 и В поисках нового Града. – Тель-Авив, 1980, а о Гнедине – *Орлова и Копелев*. Мы жили в Москве. С. 62. В качестве примера отказа в восстановлении см. случай Валентина Астрова: Литературная газета. 1989. 29 марта; Известия. 1993. 27 февраля.

56. См., напр., письма *Шаламова* // Независимая газета. 1998. 9 апреля; Книжное обозрение. 1997. № 27–28; *Золотоносов Михаил* // Московские новости. 1995. 10–17 сентября, а также *Пархоменко Ким* // Независимая газета. 1991. 5 января. По поводу Копелева см. *Карякин Юрий*. Перемена убеждений. – М., 2007. С. 232. См. также *Померанц Григорий* о Шаламове и Георгии Демидове // Новая газета. 2008. 5–7 мая.

57. *Гинзбург*. Крутой маршрут. С. 623–626.

58. См. *Антонов-Овсеенко*. Портрет тирана. С. 469–477, а также *Smith. Remembering*. P. 177–178, где события изложены с позиции «Мемориала».

59. См. *Карпов* // Советская Россия. 2002. 27 июля; Правда. 1995. 26 апреля и он же. Генералиссимус. В 2-х томах. – М., 2002; *священник Дудко Дмитрий*. Посмертные встречи со Сталиным. – М., 1993. По некоторым данным, Рокоссовский отказался участвовать в антисталинской кампании Хрущёва, заявив: «Товарищ Сталин мне святой!». Советская Россия. 2008. 6 марта.

60. См. документ 1962 года в журнале Родина. 1993. № 5–6. С. 56–57.

61. См., напр., Известия. 1992. 22 июня; *Максимова Элла* // Там же. 1993. 5 мая; *Максимова Э.М.* По следам загубленных судеб. – М., 2007, а также Дети Гулага. С. 12.

62. *Гинзбург*. Крутой маршрут. С. 642. См. также *Рыбакова Татьяна*. Счастливая ты, Таня! – М., 2005. С. 363–365. Примеры, касающиеся детей, см. *Austin Anthony* // New York Magazine. 1979. Dec.16. P. 26; *Adler. Gulag Survivor*. P. 140–141. О братьях Нетто см. *Рыжков Владимир* // Новая газета. 2008. 21–27 февраля.

63. Об одном хорошо известном примере – Евгения Гинзбург и Павел Аксенов – см. *Смирнов Константин*. Жертвоприношение // Огонёк. 1991. № 2. С. 18–21.

64. Другие примеры супружеской верности см. *Мильчаков*. Молодость светлая... С. 91–92 и *Baitalsky. Notebooks*. P. 389–391. Противоположный пример см. *Лакшин* // Литературная газета. 1994. 17 августа. О проблеме вообще см. *Adler. Gulag Survivor*. P. 139–145.

65. О роли молодой жены см., напр., *Волков Олег*. Погружение во тьму. – М., 1992. С. 428–429. По поводу браков между детьми жертв см., напр., случаи Ирины Якир и Юлия Кима; писателя Юлиана Семенова, сына репрессированного, женившегося на дочери репрессированного; или Михаила Шатрова, чей тесть также был зеком. Другие случаи см. *Figes. The Whisperers*. P. 566, 650.

66. Подробнее о проблеме см. *Adler. Gulag Survivor*. P. 114–118. В качестве примеров конкретных случаев см.

Король М. о брошенной жене Маршала Буденного // Аргументы и факты. 1993. № 23 и *Ким Юлий* о Петре Якире // Общая газета. 1996. 8–14 февраля. По мнению Н.А. Морозова и М.Б. Рогачева (Отечественная история. 1995. № 2. С. 187), последствия «синдрома» сказывались десятилетиями. По поводу узкого круга общения см. о сообществах, сложившихся вокруг Солженицына и Гнедина: *Сараскина*. Александр Солженицын. С. 455–456; *Орлова и Копелев*. Мы жили в Москве. С. 61; *Гинзбург*. Крутой маршрут. С. 428; *Adler*. Gulag Survivor. P. 134. По поводу ностальгии см. *Alexeyeva Ludmila and Paul Goldberg*. The Thaw Generation. Boston, 1990. P. 88; *Окуджава Булат* // Новая газета. 2005. 5–11 мая и даже *Солженицын*. Архипелаг Гулаг. Т. 3. С. 484.

67. По поводу законов и компенсаций см. Реабилитация. Т. 2. С. 181–183, 194–197, 333–334 и *Adler*. Gulag Survivor. P. 186–190. Мне очень редко доводилось слышать о том, чтобы вещи репрессированных – хотя бы фотографии – были бы возвращены им после освобождения (если не считать тех, что сохранили родственники и друзья). Зато я знаю много случаев, когда эти вещи обнаруживались в семьях детей и внуков следователей НКВД либо продавались ими. См. также *Савельева Людмила* // Известия. 1992. 5 мая; *Кокурин Александр* и *Моруков Юрий*. Гулаг // Свободная мысль. 2002. № 2. С. 109; *Радек*. О своём; *Сбитнев В.* // Известия. 1991. 13 июня. По поводу Вышинского см. *Челищева Вера* // Новая газета. 2008. 7–9 июля, а о его роли в сталинском терроре – *Ваксберг Аркадий*. Царица доказательства: Вышинский и его жертвы. – М., 1992.

68. *Ефимов Е.* Правовые вопросы восстановления трудового стажа реабилитированным гражданам // Социалистическая законность. 1964. № 9. С. 42–45; *Заверин Лев* // Союз. 1990. № 51. С. 9.

69. См. *Adler*. Gulag Survivor. P. 103, 161. См. также Голоса. С. 225; Реабилитация. Т. 1 и 2. По поводу невозможности вернуться в родной дом или город см. *Орлова и Копелев*. Мы жили в Москве. С. 25.

70. Голоса. С. 185–186; Реабилитация. Т. 2. С. 370–371, 456–462, 474–475; *Rubinstein Joshua*. Tangled Loyalties. – New York, 1996. P. 287–291, 303. По поводу Стасовой и Симонова см. *Орлова и Копелев*. Мы жили в Москве. С. 25. А.М. Ларина и несколько её друзей были среди тех, кому помогли эти люди. По поводу секретаря Эренбурга см. *Сараскина*. Александр Солженицын. С. 535–536, а по поводу Симонова – *Каплер*. «Я» и «мы». С. 212.

71. *Adler*. Gulag Survivor. P. 171, 177; *Землянушин Иван* // Труд. 1992. 24 декабря. Противоречия между приведёнными цифрами, скорее всего, нет, так как они охватывают разные периоды: первая – 1954–1961 годы, вторая, судя по всему, – 1954–1964 годы.

72. *Сараскина*. Александр Солженицын. С. 456; *Adler*. Gulag Survivor. P. 179 and *passim* (об участии в официальной оппозиции Молотова см. Голоса. С. 214). О других примерах обструкции см. Доднесь тяготее. Под ред. *Семена Виленского*. Т. 1. – М., 1989. С. 5; *Анохин Г.* // Известия. 1988. 23 марта; *Зарубин Н.* // Там же. 1995. 31 марта; Лесная промышленность. 1989. 1 мая. По поводу Рыковой см. Московская правда. 1989. 19 февраля и 21 апреля.

73. По поводу приема см. *Зараев* // Огонёк. 1991. 15 ноября; *Adler*. Gulag Survivor. P. 186; *Гинзбург*. Крутой маршрут. С. 638–639. По поводу поэмы см. *Корнилов Владимир* // Московский комсомолец. 1866. 13 июля, а также *Гнедин Евгений*. Выход из лабиринта. – М., 1994; *Орлова и Копелев*. Мы жили в Москве. С. 59–63. О жизни Гнедина см. его мемуары Катастрофа и второе рождение. Amsterdam, 1977 и *Cohen*. Sovieticus. – New York, 1986 (exp. ed.). P. 104–107.

74. По поводу амнистии см. *Dobson Miriam* // *Jones Polly*, ed. The Dilemmas of De-Stalinization. London, 2006. P. 21–40 и *Солженицын*. Архипелаг Гулаг. Т. 3. С. 474.

75. *Снегов* // Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим

наукам, 18–21 декабря 1962 года. – М., 1964. С. 270. См. также *Амлинский Владимир* // Юность. 1988. № 3. С. 53. Государственная газета «Известия» позже призналась, что «ложный донос не раз становился лестницей для восхождения в гору». Известия. 1964. 3 июля. Тема морально-разлагающего воздействия террора на живых нашла отражение в романах Юрия Трифонова. См. ниже, прим. 140.

76. Родственники, естественно, ходатайствовали за своих близких, профессионалы, хотя и нечасто, за своих коллег. См., напр., *Гончаров В.А.* Просим освободить из тюремного заключения. – М., 1998; «Дорогой наш товарищ Сталин!». Под ред. *Н.С. Черушева*. – М., 2001; Академики в защиту репрессированных коллег // Вестник Российской Академии наук. 2002. № 6. С. 530–536. Иногда помощь пытались оказать друзья и совсем посторонние люди. См., *Разгон*. Непридуманное. С. 180–187; *Таратута Евгения* // Советская культура. 1988. 4 июня и *Ходорковская Марина* // Новая газета. 2005. 16–18 мая. Существуют сведения о сопротивлении террору со стороны некоторых прокуроров. См. Расправа: прокурорские судьбы. – М., 1990. О случаях сопротивления или помощи жертвам со стороны других служащих НКВД см. *Жигулин*. Черные камни. С. 262–264; *Кон И.* // Аргументы и факты. 1988. № 18; *Чертков В.* // Правда. 1989. 1 мая; *Виноградова Галина* // Литературная газета. 1997. 12 ноября. См. также *Болдырева Е.* // Советская культура. 1989. 14 сентября (о «хороших начальниках» в лагерях) и *Яковенко Дмитрий* // Звезда Востока. 1989. № 4. С. 64–85 (об одном раскаявшемся охраннике).

77. *Жуковская Лидия*. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. Paris, 1980. С. 115, 137, а также *Разгон Лев* // Литературная газета. 1995. 13 декабря и *Applebaum*. Gulag. P. 516–517. В качестве примера иного взгляда см. *Dobson Miriam*. Contesting the Paradigms of De-Stalinization // Slavic Review. Fall 2005. P. 580–600.

78. См. *Cohen, ed.* An End. Chap. 2; по поводу Монте-Кристо см. *Золотусский Игорь* и *Икрамов Камил* // Москов-

ские новости. 1989. 18 июня, а по поводу мести вообще – *Разгон Лев* // Огонёк. 1995. № 51. С. 48 и *Adler*. Gulag Survivor. P. 123–124.

79. По поводу мнения, что никто не виноват, см. *Шитов Александр* о Юрии Трифонове // Новая газета. 2005. 29–31 августа, а по поводу возражений – *Сапожников Владимир* // Литературная газета. 1988. 24 августа. О Томском и Светлане Сталиной см. *Рубин Борис*. Моё окружение. – М., 1995. С. 187, а по поводу просьб охранников – *Figes*. The Whisperers. P. 631.

80. *Антонов-Овсеенко*. Враги народа. С. 16. Не было озлобленности и в Гнедине, близком друге Лариной. См. *Гнедин*. Катастрофа и второе рождение, а также *Орлова и Копелев*. Мы жили в Москве. С. 59.

81. Первый эпизод мне рассказали; по поводу других см. соответственно: *Жигулин*. Черные камни. С. 263; *Кузнецов Валентин* // Книжное обозрение. 1990. № 49. С. 3; *Etkind Efim*. Notes of a Non-Conspirator. New York, 1978. P. 113–114, 118, 204; *Борщаговский Александр* // Литературная газета. 1992. 10 июня. О похожих эпизодах см. *Волгин В.* Документы рассказывают // Вопросы литературы. 1992. № 1. С. 257–283; *Cohen, ed.* An End. Chap. 2; *Н.Н.* Доносчики и предатели среди советских писателей и ученых // Социалистический вестник. 1963. Май–июнь. С. 74–76. По сведениям историка Виктора Данилова, не меньше десяти бывших репрессированных вернулись на работу в Институт истории СССР Академии наук (*Kritika*. Spring 2008. P. 355). Одной из них была дочь Бухарина Светлана Гурвич, которая рассказывала мне, что «далеко не все» коллеги приветствовали «возвращенцев» так же тепло, как Данилов.

82. См., напр., *Бен-Яков Броня*. Словарь аргю Гулага. – Frankfurt, 1982.; *Козловский Владимир*. Собрание русских воровских словарей. В 4-х томах. – New York, 1983; Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. – Одинцово, 1993, а из собственно советских публикаций – *Костинский К.* (Ус-

пенский Кирилл) Существует ли проблема жаргона? // Вопросы литературы. 1968. № 5. С. 181–191. По поводу возвращений Горюхина Эльвира // Свободное пространство (еженедельное приложение к «Новой газете»). 2007. 14 сентября.

83. Цит. по: Цейтлин // Крокодил. 1989. № 7. С. 6. «Интеллигенция поет блатные песни», — сказал в ту пору Евтушенко (Цит. по: Роцин Михаил // Огонёк. 1990. № 41. С. 9). В качестве примера исследования на эту тему, написанного ещё в 1979 году, см. Карабчиевский Юрий. И вохровцы, и зеки // Нева. 1991. № 1. С. 170–176. См. также Окуждава Булат. Песни. В 2-х томах. — Ann Arbor, 1980, 1986. По поводу гулагльских поэтов-песенников см. Сажин Валерий // Русская мысль. 1989. 26 мая и некролог Ольги Олсуфьевой // Огонёк. 1991. № 12. С. 17–18. См. также Поэзия узников Гулага. Под ред. С.С. Виленского. — М., 2005, а из недавних исследований — Джекобсом Михаил и Джекобсом Лидия. Песенный фольклор Гулага как исторический источник. — М., 2001.

84. См. Панов Юрий // Известия. 1990. 10 августа и Бокарев Виктор // Литературная газета. 1989. 29 марта.

85. См., напр., Советская культура. 1989. 6 мая; Горизонт. 1989. № 6; Огонёк. 1990. № 39. С. 8–11; Творчество в лагере и ссылках. — М.: Общество «Мемориал», 1990; Творчество и быт Гулага. — М.: Общество «Мемориал», 1998; *Getman Nikolai*. The Gulag Collection. — Washington, 2001. По поводу зарисовок см. Литератор. 1989. № 35 и рисунки, а также историю жизни Ефросиньи Керсновской: Новая газета. 2008. 21–27 февраля. Я очень мало видел фотографий на тему террора, но они существуют. Подборку см. *Kizny Tomas*. Gulag. — New York, 2004.

86. По поводу «катакомбной» культуры см. Волкова Паола // Независимая газета. 2001. 30 мая.

87. Симонов Константин // Известия. 1962. 18 ноября. В качестве примеров более ранних работ см. Симонов К.

Живые и мертвые. — М., 1959; Каверин В. Открытая книга. Ч. 3. — М., 1956; Панова В. Сентиментальный роман. — М., 1958; Ивантер Н. Снова август // Новый мир. 1959. № 8–9; Вальцева А. Квартира № 13 // Москва. 1957. № 1. Из работ начала 1960-х годов см., напр., Некрасов В. Кира Георгиевна // Новый мир. 1961. № 6; Домбровский Ю. Хранитель древностей // Там же. 1964. № 6–7; Васильев А. Вопросов больше нет // Москва. 1964. № 6; Алдан-Семенов А. Барельеф на скале // Там же. 1964. № 7; Аксенов В. Дикой // Юность. 1964. № 12; Семёнов Ю. При исполнении служебных обязанностей // Там же. 1962. № 1–2; Икрамов К. и Тендряков В. Белый флаг // Молодая гвардия. 1962. № 12; Полевой Б. Возвращение // Огонёк. 1962. № 31; Стаднюк И. Люди не ангелы // Нева. 1962. № 12; Лазутин И. Чёрные лебеди // Байкал. 1964. № 2–6, 1966. № 1.

88. О «верхних» и «нижних» этажах см. Yanov Alexander. The Russian New Right. Berkeley, 1978. P. 15, а также Солженицын. Бодался теленок с дубом. С. 22.

89. См., напр., Исаев Иван // Исторический архив. 2001. № 2. С. 123–124 и Иванов-Паймен В. // Там же. 2003. № 4. С. 23–24. О случаях возвращения на партийную работу см., напр., Мильчаков. Молодость светлая... С. 92–99; Росляков. Убийство. С. 16; Полякова Д. и Хорунжий В. о Валентине Пикиной // Комсомольская правда. 1988. 17 марта.

90. По поводу Бурковского см. Сараскина. Александр Солженицын. С. 523; по поводу Сучкова и Хеймана — Tall Emily // Slavic Review. Summer 1990. P. 184; Логинов В. и Гловацкая Н. // Вопросы экономики. 2007. № 1. С. 154–156.

91. Я это часто слышал. Помимо упомянутых выше, в эту группу входили также Пётр Якир, чья семья была дружна с Лариной и Бaeвой, и Александр Мильчаков, с сыном которого я познакомился в 1980-е годы. По поводу Пикиной см. выше, прим. 89; Шатуновская. Об ушедшем веке. С. 273, 296; Померанц Григорий. Следствие ведёт каторжанка. — М., 2004. С. 7, 28, 37; Реабилитация. Т. 1. С. 168,

447; Т. 2. С. 267, 299, 378, 453, 456, 482, 493, 793, 877. По поводу Шатуновской и Снегова см. ниже, прим. 92, а по поводу намерения некоторых влиять через них на Хрущёва – *Орлова и Копелев*. Мы жили в Москве. С. 53.

92. По поводу Ширвиндта, который умер в 1958 году, см. *Кокурин Александр и Петров Никита*. МВД // Свободная мысль. 1998. № 4. С. 115–116. По поводу Тодорского см. *Медведев Рой*. Хрущёв. – Benson, VT, 1986. Р. 97; *Черушев Н.С.* 1937 год. – М., 2003. С. 407–435; Реабилитация. Т. 1. С. 214, 460; Т. 2. С. 376, 693–695, 793, 896; *Тодорский А.И.* Маршал Тухачевский. – М., 1963; *Соколовский В.* Боец и военный писатель // Военно-исторический журнал. 1964. № 9. С. 53–60; *Ряжеский*. Как шла реабилитация. С. 9. Про Шатуновскую и Снегова я слышал много рассказов ещё до того, как появились печатные источники, подтверждающие их роль. По поводу первой см. *Шатуновская*. Об ушедшем веке; *Померанц*. Следствие ведёт каторжанка; *он же*. Памяти одинокой тени // Знамя. 2006. № 7. По поводу обоих см. *Khrushchev Sergei*. Khrushchev on Khrushchev. Boston, 1990. Chap. 1; *Микоян С.А.* Алексей Снегов в борьбе за десталинизацию // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 69–83; *Микоян*. Так было. Гл. 48; а также именной указатель в книге Реабилитация. Т. 1–3 и Доклад Н.С. Хрущёва о культуре личности Сталина на XX съезде КПСС. Под ред. К. Аймермахера. – М., 2002.

93. *Померанц*. Памяти одинокой тени. С. 165; *он же*. Следствие ведёт каторжанка.

94. По поводу деяний Шатуновской и Снегова см. выше, прим. 92. По поводу цитат см. соответственно: *Микоян*. Так было. С. 589; *Померанц*. Памяти одинокой тени. С. 166; *Khrushchev on Khrushchev*. Р. 13, а также *Микоян*. Алексей Снегов в борьбе... Померанц назвал Шатуновскую «серым преосвященством» Хрущёва (*Померанц*. Следствие ведёт... С. 138–139.)

95. Как мне в своё время рассказывали, а теперь доподлинно известно, Микоян, который возглавил первую постсталинскую комиссию по реабилитации, лично принимал многих из «возвращенцев». См., напр., *Мильчаков*. Молодость... С. 94–98; *Антонов-Овсеенко*. Портрет тирана. С. 464; *Шеболдаев С.Б.* // Огонёк. 1987. 3–10 октября. С. 4; *Радек* Там же. 1988. № 52. С. 30; *Померанц*. Следствие ведёт... С. 115–116, 147–148; *Меньшиков Станислав*. О времени и о себе. – М., 2007. С. 39. Его собственную трактовку см. *Микоян*. Так было. С. 589–590. См. также А.И. Микоян. – М.: Фонд Горбачёва, 1996. Более того, ещё в 1956 году Микоян говорил о необходимости реабилитации и самого Бухарина, однако на такой радикальный шаг Хрущёв тогда не пошёл; это было сделано только Горбачёвым в 1988 году. См. *Пушкин Дмитрий* // Московские новости. 1995. 28 мая–2 июня; А.И. Микоян. С. 79. Микоян также сыграл вспомогательную роль в хрущёвских маневрах с целью протолкнуть публикацию «Ивана Денисовича». См. ниже, прим. 97. По мнению одного хорошо информированного историка, Микояна «больше всех мучила совесть». См. *Kun Miklos*. Stalin. – Budapest, 2003. Р. 290. По поводу споров вокруг его роли в сталинскую и постсталинскую эпоху см. *Mikoyan Sergo and Ellman Michael* // Slavic Review. Winter 2001. Р. 917–921.

96. По поводу «Ивана Денисовича» см. *Сараскина*. Александр Солженицын. С. 480–498. По поводу объяснений со ссылкой на общую ситуацию в стране и в лагерях см., напр., дискуссию в книге *Айхенвальд Юрий*. Дон-Кихоты на русской почве. – Benson, VT, 1982. С. 14; *Наумов В.П.* // Вопросы истории. 1997. 4 ноября. С. 29–30; *Козлов В.А.* Социум в неволе // Общественные науки и современность. 2004. № 6. С. 122–136; *Юхневич Кирилл* // Горбачёвские чтения. № 5. С. 211.

97. *Медведев Рой*. Хрущёв. С. 87. См. также *Померанц*. Следствие ведёт... С. 33, 138–139; *Рыбаков*. Роман-воспо-

минание. С. 194, 197; *Орлова и Копелев*. Мы жили в Москве. С. 31; *Burlatsky Fyodor. Khrushchev and the First Russian Spring*. – New York, 1988. P. 61–62. По поводу мемориала см. XXII съезд КПСС, 17–31 октября 1961 года. Т. 2. – М., 1962. С. 587. По поводу невестки Хрущёва, жены его погибшего на войне сына Леонида, см. его замечание, которое приводит *Шатров* // Свободная мысль. 1994. № 10. С. 22; *Рыбакова*. Счастливая ты, Таня. С. 261–263; *Taubman. Khrushchev*. P. 158–160.

98. По поводу суда над Берией см. Лаврентий Берия 1953. – М., 1999. Среди свидетелей были Пикина, Снегов и Сурен Газарян, который написал об этом воспоминания. См. СССР: Внутренние противоречия. – New York, 1982. № 6. С. 109–146. По поводу съезда см. Оттепель 1953–1956. Под ред. *С.И. Чупринина*. – М., 1989. С. 461; по поводу схватки со сталинистами см. Молотов, Маленков, Каганович 1957. – М., 1998; по поводу Лазуркиной см. XXII съезд КПСС. Т. 3. С. 121. Рассказ Солженицына был опубликован в «Новом мире» в ноябре 1962 года.

99. *Трифонов Юрий*. Отблеск костра. – М., 1966. С. 86, а также *Cohen, ed. An End*. P. 29–30.

100. *Хрущёв Н.С.* Время. Люди. Власть. В 4-х томах. – М., 1999. Т. 2. С. 184; *Остроумов Георгий* // Прорыв к свободе. – М., 2005. С. 288, а также *Евтушенко Евгений* // Новая газета. 2004. 26–28 января. По поводу Института истории см. выше, прим. 81.

101. *Газарян Сурен*. Это не должно повториться (сам-издатовская рукопись, 1966); *Гинзбург*. Крутой маршрут; *Ginzburg Eugenia. Journey Into the Whirlwind*. – New York, 1967; *Kopelev Lev. To Be Preserved Forever*. – New York, 1977, *The Education of a True Believer*. – New York, 1980, *Ease My Sorrows*. – New York, 1983; *Разгон*. Непридуманное; *Гнедин*. Катастрофа и второе рождение; *Baitalsky. Notebooks*. Тема эта зазвучала также в официальной печати, причём из уст тех, кто не пострадал от террора. См., напр., *Бакланов*

Григорий. Чтоб это никогда не повторилось // Известия. 1961. 22 ноября.

102. См. *Шатуновская*. Об ушедшем веке. С. 296–361, а также Доклад комиссии Шверника 1963 года, в составлении которого она принимала самое активное участие: Реабилитация. Т. 2. С. 541–670. По поводу Снегова см. его выступление 1962 года // Всесоюзное совещание о мерах улучшения... С. 266–277; *Khrushchev. Khrushchev*. P. 9–10; *Микоян*. Алексей Снегов. С. 81–82. О Тодорском см. выше, прим. 92 и *Мильчаков*. Молодость светлая...

103. См. *Рыбаков*. Роман-воспоминание. С. 84, а также *Лицкевич Олег*. Феномен Машерова // Свободная мысль. 2008. № 6. С. 135–144. Пример, несколько отличный, но также в тему: помощником А.Н. Яковлева, ближайшего соратника Горбачёва в Политбюро в годы перестройки, был сын А.А. Кузнецова, первого секретаря Ленинградского обкома, расстрелянного Сталиным в 1950 году. *Рыбаков*. Роман-воспоминание. С. 316.

104. *Трифонов*. Отблеск костра; *Петровский Л.П.* Пётр Петровский. – Алма-Ата, 1974; *Yakir*. Childhood; *Икрамов*. Дело. (О 25-летних мытарствах Икрамова в связи с написанием и попытками публикации этой книги см. Московские новости. 1988. 13 марта.) В 1975 г. Антонов-Овсененко опубликовал – под псевдонимом и с цензурной правкой – биографию своего отца, полная версия которой увидела свет много позже: *Ракитин А.В.* В.А. Антонов-Овсененко. – Ленинград, 1989. Юрий Гастев, которого я хорошо знал, по совету прокуратуры, подготовил документальную биографию своего отца, чтобы облегчить его посмертную реабилитацию. Таким же образом появились на свет и ряд других книг и статей. Некоторые дети видных репрессированных деятелей, в том числе Якир и Петровский, получили престижные места в аспирантуре исторических институтов. По поводу детей генералов см. *Примаков Юрий* // Горбачёвские чтения. № 5. С. 191–192.

105. Эти слова неоднократно звучали на пленуме ЦК 1957 года. См. Молотов, Маленков, Каганович.

106. См., напр., выше, прим. 68.

107. Я об этом слышал от нескольких бывших репрессированных. См. также Орлова и Копелев. Мы жили в Москве. С. 27–28, а, с точки зрения сочувствующего жертвам молодого прокурора, Рязжский. Как шла реабилитация.

108. Цит. по Медведев Рой. Хрущёв. С. 81. По поводу «моды» см. Лакиин Владимир // Литературная газета. 1994. 17 августа, а по поводу Шатуновской – Померанц. Следствие ведёт... С. 12.

109. См. Петров Никита. Первый председатель КГБ Иван Серов. – М., 2005; Шатуновская. Об ушедшем веке. С. 285–291. О Суслове см. Микоян. Алексей Снегов, а о Молотове – выше, прим. 72. По поводу списков см. Реабилитация. Т. 3. С. 144.

110. Об одном примере, Константине Симонове, см. подробно Figes. The Whisperers. Chap. 9; Симонов К. Глазами моего поколения. – М., 1988; Твардовский А. По праву памяти // Новый мир. 1987. № 3. О более сложном случае, каковым было запоздалое раскаяние генерала КГБ Виктора Ильина, см. Рыбаков. Роман-воспоминание. С. 366–367.

111. Об этих событиях см. выше, прим. 108; Наумов // Вопросы истории. 1987. № 4. С. 26, 31; Доклад Хрущёва... Под ред. Аймермахера; Реабилитация. Т. 2. Раздел 3; Молотов, Маленков, Каганович. Существовало (и до сих пор существует) множество документов, обвиняющих Хрущёва и Микояна. См. Реабилитация. Т. 3. С. 146–147; Наумов // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 19–35; Пономарев Анатолий // Родина. 1994. № 10. С. 82–88. По поводу распространения этих документов врагами Хрущёва см. Незвестная Россия. Т. 1. – М., 1992. С. 294–295. О роли архивных документов в то время вообще см. Medvedev Roy and Medvedev Zhores. Unknown Stalin. Chap. 3. По поводу участия Хру-

щёва в терроре см. уже упомянутые статьи Наумова и Пономарева и Taubman. Khrushchev. Chap. 5–6, а в качестве недавнего примера негативного изображения Хрущёва см. Пруоникова Е. Хрущёв: Творцы террора. – М., 2007.

112. Барсуков Н. Провал «антипартийной группы» // Коммунист. 1990. № 8. С. 99.

113. См. Барсуков Н. Обратная сторона «оттепели» // Кентавр. 1993. № 4. С. 129–143; Таранов Евгений. «Раскачаем Ленинские горы!» // Свободная мысль. 1993. № 10. С. 94–103; Реабилитация. Т. 2. С. 7. По поводу цитаты см. Петров Никита // Новое время. 2000. № 23. С. 33, а также воспоминания Газаряна, упомянутые выше, прим. 98.

114. Молотов, Маленков, Каганович. С. 39. См. также Исторический архив. 1993. № 3. С. 17, 19, 85, 88.

115. Исторический архив. 1993. № 4. С. 17.

116. Последняя цифра взята из статьи В.П. Пирожкова (Неделя. 1989. № 26), который также сообщает, что к суду были привлечены 1342 человека. Никита Петров, чьи данные я привожу, убедительно доказывает завышенность этой цифры: Звенья. Под ред. Н.Г. Охотина и А.Б. Рогинского. Т. 1. М. 1991. С. 430–436. По поводу числа расстрелянных см. Новопашин Ю.С. // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 54–55. По поводу примеров различных наказаний см. Кокурин и Петров. МВД. С. 114–118; Conquest Robert. Inside Stalin's Secret Police. – Stanford, CA, 1985. P. 155–157. По поводу Тодорского см. Черушев. 1937 год. С. 423–424.

117. Кокурин и Петров. МВД; Кокурин А. Гулаг // Свободная мысль. 2002. № 2. С. 98; Александр Фадеев. – М., 2001; Бузин Дмитрий. Александр Фадеев. – М., 2008; а также Burlatsky. Khrushchev. P. 18; Medvedevs. Unknown Stalin. P. 116–117.

118. Цит. по: Медведев Рой. Хрущёв. С. 97; Шатуновская. Об ушедшем веке. С. 286; В Политбюро ЦК КПСС: по записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Геор-

гия Шахназарова (1985–1991). – М., 2006. С. 323–324; *Шатров Михаил* // Свободная мысль. 1994. № 10. С. 22. Об уязвимости положения Хрущёва см. *Khrushchev*. *Khrushchev* on *Khrushchev*. P. 14.

119. *Сараскина*. Александр Солженицын. С. 478. Все цитаты в этом и следующем абзаце взяты из материалов XXII съезда. Т. 3. С. 121–122, 362, 402, 584.

120. *Шатуновская*. Об ушедшем веке. С. 297–300. По поводу окончательного текста доклада см. выше, прим. 102.

121. Иван Денисович, его друзья и недруги // Новый мир. 1964. № 1.

122. День поэзии 1962. – М., 1962. С. 45. Я остаюсь благодарным покойному профессору Вере Данэм (Vera Dunham), которая обратила моё внимание на это стихотворение. Список других публикаций см. *Cohen*. *Rethinking*. P. 199, n. 65; а также выше, прим. 87.

123. Политический дневник. Т. 2. – Амстердам, 1975. С. 123; см. также *Medvedevs*. *Unknown Stalin*. P. 116–117; *Орлова и Копелев*. Мы жили в Москве. С. 83. По поводу примеров см. *Н.Н.* Доносчики и предатели...; *Cohen*, ed. *An End*. P. 124–132. Когда Юдин умер в 1968 году, официальные некрологи отметили только его «долгую и славную карьеру». *Current Digest of the Soviet Press*. 1968. May 1. P. 39. По поводу Вышинского и рукописи Каменева см. *Семенова*. Юлиан Семенов. С. 203, 257.

124. Ср., напр., рецензии на «Ивана Денисовича» и «Тешину» Юрия Болдырева (Новый мир. 1962. № 3–5) и мемуарную «Повесть» Дьякова, которая начала печататься в 1963 году. См. также *Лакишин*. «Иван Денисович».

125. См. обмен мнениями между Эренбургом и Виктором Ермиловым. Известия. 1963. 30 января и 6 февраля. По поводу Хрущёва см. *Taubman*. *Khrushchev*. P. 596 и анонимное письмо русского автора в *Encounter*. June 1964. P. 88–98.

126. См., напр., *Генри Эрнст*. Чума на экране // Юность. 1966. № 6 и он же (с комментариями по поводу советского

фильма на эту тему, «Обыкновенный фашизм») // Новый мир. 1965. № 12; *Бурлацкий Федор* // Правда. 1966. 14 февраля; *Гнедин Евгений*. Бюрократия 20-го века // Новый мир. 1966. № 3 и он же. Механизм фашистской диктатуры // Там же. 1968. № 8; Политический дневник. Т. 2. С. 109–122; а также *Adler*. *Gulag Survivor*. P. 194.

127. Политический дневник. Т. 2. С. 123.

128. Я слышал это от людей, которые их знали.

129. Слова Зиновия Сердюка, цит. по *Шатуновская*. Об ушедшем веке. С. 292.

130. Правда. 1962. 21 октября. См. об этом также *Серебрякова З.Л.* // Горбачёвские чтения. № 4. – М., 2006. С. 96.

131. По поводу Снегова, Шатуновской и доклада «комиссии Шверника» см. Реабилитация. Т. 2. С. 524; *Шатуновская*. Об ушедшем веке. С. 291. По поводу газетной статьи и конституции см. *Burlatsky*. *Khrushchev*. P. 200–201, 215, а также воспоминания Г.Л. Смирнова в кн. Неизвестная Россия. Т. 3. – М., 1993. С. 377–381.

132. Никита Хрущёв 1964: стенограммы Пленума ЦК КПСС и другие документы. – М., 2007. В кулуарах один участник высказался в том смысле, что, по его мнению, «культ» значит «репрессии». Там же. С. 307.

133. По поводу отстранения Хрущёва от власти и несколько иной интерпретации событий см. *Taubman*. *Khrushchev*. Chap. 1. По поводу последовавшей реакции см. *Cohen*. *Rethinking*. Chap. 5; а по поводу двух цитат – *Рыбаков*. Роман-воспоминание. С. 41 и *Сараскина*. Александр Солженицын. С. 525. З. Серебрякова считает, что люди, стоявшие за отставкой Хрущёва, «не упоминали истинной причины». Горбачёвские чтения. № 4. С. 121.

134. Цит. по *Taubman*. *Khrushchev*. P. 14. По поводу Суслова см. Источник. 1996. № 2. С. 115.

135. *Medvedev Roy*. *Khrushchev*. – Garden City, NY, 1983. P. 98. Медведев излагает эти события несколько иначе, чем

мои информаторы, и относит их к более позднему сроку. От партийных начальников теперь также можно было услышать, что «слишком многих нареабилитировали». *Солженицын*. Архипелаг Гулаг. Т. 3. С. 473. По поводу неосталинизма, распространившегося после 1964 года, см. *Cohen*. Rethinking. Chap. 4; по поводу бериевских подручных см. *Волин О.* // Совершенно секретно. 1989. № 6. С. 18; а по поводу слов Солженицына – *Сараскина*. Александр Солженицын. С. 535.

136. Реабилитация. Т. 2. С. 5; *Applebaum*. Gulag. P. 557.

137. По поводу двух указанных эпизодов см. Кремлевский самосуд. – М., 1994. С. 209, 361; Реабилитация. Т. 2. С. 538–540. В 1966 году Суслов обозвал Снегова «шантажистом», что могло говорить о том, что у Снегова имелись документы, обвиняющие Суслова. Реабилитация. Т. 2. С. 510. О последующем преследовании Снегова см. там же. С. 521–525. О Павлове и Семичастном см. *Сараскина*. Александр Солженицын. С. 524.

138. *Adler*. Gulag Survivor. P. 196–197. По поводу судеб некоторых «палачей» см. *Антонов-Овсеенко*. Портрет тирана; *Петров Н. и Скоркин К.* Кто руководил НКВД? – М., 1999; а также выше, прим. 116. По поводу Льва Шейнина см. *Шейнин*. Записки следователя. – М., 1980 и его некролог в «Известиях» 31 мая 1967 года, где ни словом не упомянуто его сталинистское прошлое. О нём см. *Ваксберг*. Царяца доказательства.

139. *Антонов-Овсеенко*. Портрет тирана. С. 8.

140. По поводу Трифонова, чьи романы «Дом на набережной» (1976) и «Старик» (1978) имели особенно большое значение, см. *New York Times*. 1979. Dec. 16. По поводу Шатрова см. его интервью в приложении к «Независимой газете»: Фигуры и лица № 7 / Независимая газета. 2000. 13 апреля, а также Михаил Шатров: творчество, жизнь, документы. В 5 томах. – М., 2006–2007.

141. Отец Елены Боннер был расстрелян, а её мать, Руфь Боннер, вышла на свободу при Хрущёве.

142. По поводу Нюрнберга см., напр., *Шенталинский Виталий* // Комсомольская правда. 1990. 17 октября; *Иоффе Г.З.* // Отечественная история. 2002. № 4. С. 164. По поводу «суда над Сталиным» см. *Самсонов А.* // Неделя. 1988. № 52; Московские новости. 1988. 27 ноября (спец. вып.); *Соломонов Юрий* // Советская культура. 1989. 9 сентября. По поводу «Мемориала» см. *Adler Nancy*. Victims of Stalin's Terror. – Westport, CT, 1993.

143. По поводу исследований Мильчакова-младшего, статьи о которых регулярно появлялись в прессе, см. Известия. 1988. 11 ноября и Вечерняя Москва. 1990. 14 апреля. По поводу историй о «палачах на пенсии» см. *Moscow News*. 1988. No. 19, 28, 42; 1990. No. 10, 37; Комсомольская правда. 1989. 8 декабря. По поводу ответа Астрова см. Литературная газета. 1989. 29 марта. (На обложке моей книги указан 1988 год издания, но официальный тираж вышел только в 1989 г.) Несколько лет спустя он вернулся к этой теме: Известия. 1993. 27 февраля. В 1969 году Астров опубликовал своего рода роман-воспоминание, «Круча», которым внёс вклад в продолжающуюся политическую дискредитацию Бухарина и его молодых последователей.

144. Сначала они были опубликованы в нескольких номерах журнала «Знамя», а затем изданы отдельной книгой. По поводу «мартиролога» см. История СССР. 1988. № 3. С. 52.

145. Цит. по *Иванова Н.Б.* // Горбачёвские чтения. № 4. – М., 2006. С. 81. Мне не раз доводилось слышать подобные выражения признательности Хрущёву. См. также *Орлик Юрий* // Известия. 1989. 3 марта; *Шатуновская*. Об ушедшем веке. С. 430; *Каплер*. «Я» и «мы». С. 9. В то же время, Шатуновская не смогла простить Хрущёву, даже после его отстранения от власти, что он не убрал из руководства таких сталинистов, как Суслов, и не обнародовал доклад комиссии Шверника. *Померанц*. Следствие ведёт... С. 140.

146. Реабилитация. Т. 3. С. 507, 521–522. По поводу «оставной части» см. *Орлик* // Известия. 1989. 3 марта.

147. См. *Горбачёв Михаил*. Жизнь и реформы. Т. 1. – М., 1995. С. 38–42; а также Горбачёвские чтения. № 5. С. 114–115. По поводу «идеологии бывших зеков» см. Известия. 1992. 7 мая. См. также недовольное замечание Владимира Карпова насчёт «реабилитационной эйфории» (*Касьяненко Жанна* // Советская Россия. 2002. 27 июля); *Померанц*. Следствие ведёт... С. 187; и, без злопыхательства, *Меньшиков*. О времени. С. 34.

148. Реабилитация. Т. 3. С. 7–8. По поводу дачи см. *Челищева Вера* // Новая газета. 2008. 7–9 июля; а по поводу «СОС» – Комсомольская правда. 1990. 26 сентября.

149. Реабилитация. Т. 3. С. 600–606; *Adler*. Gulag Survivor. P. 33. По поводу постсоветского периода вообще см. *ibid*. Chap. 7; *Adler*. The Future of the Soviet Past Remains Unpredictable // Europe-Asia Studies. Dec. 2005. P. 1093–1119.

150. *Б.С.* // Независимая газета. 1993. 21 сентября. Подробнее об этой проблеме см. Мир после ГУЛАГа. Один «возвращенец», который возглавлял в начале 1990-х годов московскую городскую комиссию по реабилитации, вспоминал, что льготы и пособия были «громадной проблемой». *Фельдман А.* Рядовое дело. – М., 1993. С. 58–60.

151. См., соответственно, выше, прим. 147; Книжное обозрение. 2003. № 40. С. 7; *Рыбин А.Т.* Сталин в октябре 1941 года. – М., 1995 С. 5; а также *Стригин Евгений*. Предавшие СССР. – М., 2005. С. 181–185. По поводу Солженицына см.: *Раззаков Федор* // Советская Россия. 2008. 14 августа.

152. См., напр., *Бунимович Евгений* // novayagazeta.ru. 2008. 27 мая.

153. Три примера документальных сборников: Реабилитация (в 3-х томах); Дети ГУЛАГа; 1937–1938 годы: операции НКВД. – Томск–Москва, 2006. По поводу Коржавина

см. Книжное обозрение. 2008. № 48. С. 4. По сообщению ИТАР-ТАСС (23 мая 2008 г.), более 18 тысяч связанных с ГУЛАГом документов были рассекречены за последнее время в Магаданской области. По поводу РАО ЕЭС см. Новая газета. 2008. 14–16 апреля.

154. См., соответственно, *Филиппов А.В.* Новейшая история России, 1945–2006 годы. – М., 2007. С. 81–94; Reuters dispatch, Nov. 2, 2000; интервью Солженицына немецкому журналу «Der Spiegel» // Johnson's Russia List (e-mail newsletter). 2007. July 25 (в котором он положительно отзывался о Путине); kremlin.ru. 2007. 30 октября; а также сообщение ИТАР-ТАСС того же дня.

155. См., напр., Новая газета. 2008. 21–27 февраля (спец. приложение); 55-й годовщине со дня смерти И.В. Сталина посвящается. – М.: Новая газета, 2008. С. 136; *Филиппов*. Указ. соч. С. 93.

156. *Иванова Н.Б.* // Горбачёвские чтения. № 4. С. 81. См. также Мемориал-Аспект. 1993. Июнь, редакторы которого пишут: «Прошлое, которое оставило след в жизни большинства из нас... не кончилось».

157. См. Открытое письмо // Новая газета. 2008. 5–8 июня; а также рассказ о пресс-конференции Горбачёва // Там же. 9–15 июня. Заявления компартии против этого предложения были опубликованы пресс-службой Думы 5–6 июня 2008 года.

158. См. *Медведев Рой* // Горбачёвские чтения. № 5. С. 176–177; *Рыжков Владимир* // Новая газета. 2008. 21–27 февраля (спец. приложение). По поводу Медведева см. сообщение ИТАР-ТАСС от 24 сентября 2008 года.

159. См. *Рогинский Арсений* // Новая газета. 2008. 21–27 февраля (спец. приложение); editorial // The New York Sun. 2008. July 23.

160. *Cohen, ed.* An End. P. 49–50.

161. Goble Paul // Johnson's Russia List. 2006. Feb. 24. В 2008 году в Москве проживало 27232 человека, лично пострадавших от сталинского террора. Бунимович // Новая газета. 2008. 26–28 мая. По поводу внуков, в дополнение к тем примерам, которые уже были упомянуты, см. Оболенский В.В. // Огонёк. 1987. № 24. С. 6; Фаттахов Ефим // Собеседник. 1989. № 21; Как наших дедов забирали Под ред. И. Щербаковой. – М., 2007.

К 70-летию

Избранная библиография трудов Стивена Коэна

Книги

The great purge trial. – New York: Grosset & Dunlap and Universal Library Paperbacks, 1965. – Сопед.

Bukharin and the bolshevik revolution: A political biography, 1888–1938. – New York: Knopf, 1973. То же. – London: Wildwood House, 1974; New York: Vintage Book, 1976; в русском переводе – Royal Oak, Mich.: Strathcona, 1980; Бухарин: Политическая биография, 1888–1938 / Пер. с англ. Е. Четвергова [Е.А. Гнедина], Ю. Четвергова [Ю.Н. Ларина], В. Козловского; Предисл. С. Коэна; Общ. ред., послесл. и коммент. И.Е. Горелова. – М: Прогресс, 1989. – 574 с: ил.; – М.: Прогресс; Минск: Беларусь, 1989. – 570: ил.; – М.: Прогресс академия, 1992. – 570 с: ил.

The Soviet Union since Stalin. – Bloomington: Indiana Univ. Press; London: Macmillan, 1980. – Сопед.

An end to silence: Uncensored opinion in the Soviet Union. – New York: W.W. Norton, 1982. – Ред.

Rethinking the Soviet experience: Politics and history since 1917. – New York: Oxford Univ. Press, 1985; Переосмысливая советский опыт: (Политика и история с 1917 г.). – Bennington, Vt.: Chalidze Publications, 1986.

Sovieticus: American perceptions and Soviet realities. – New York: W.W. Norton, 1985.

Voices of glasnost: Interviews with Gorbachev's reformers. – New York: W.W. Norton, 1989. – Сопед., сопед.

Изучение России без России: Крах американской постсоветологии / Предисл. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 1999. – 48 с. – (АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века; Вып. 4).

Failed crusade: America and the tragedy of post-communist Russia. – New York: W.W. Norton, 2000; Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России / Пер. с англ. И.С. Давидян. – М.: АИРО, 2001. – 304с.

«Вопрос вопросов»: Почему не стало Советского Союза? / Пер. с англ. И.С. Давидян. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. – 200 с.

Статьи и предисловия к книгам

Marxist theory and bolshevik policy // Political Science Quarterly – 1970. – Vol. LXXXV, № 1. – P. 40–60.

Bukharin, Lenin and the theoretical foundations of bolshevism // Soviet Studies / Univ. of Glasgow. – 1970. – Vol. XXI, № 4. – P. 436–457.

In praise of war communism: Bukharin's The Economics of the Transition Period // Revolution and politics in Russia: Essays in memory of B.I. Nicolaevsky / Ed. by Alexander and Janet Rabinowitch. – Bloomington: Indiana Univ. Press, 1972. – P. 192–203.

Stalin's revolution reconsidered // Slavic Review – 1973. – Vol. 32, № 2. – P. 264–270.

Bolshevism and Stalinism // Stalinism: Essays in historical interpretation / Ed. by R.C. Tucker. – New York: W.W. Norton, 1977. – P. 3–27; То же // Dissent. – Spring 1977. – P. 190–205; Totalitarianism reconsidered / Ed. by E.I. Menze. – Port Washington; London: Kennikat Press, 1981. – P. 58–80.

Foreword // Medvedev Roi and Medvedev Zhores. Khrushchev: The years in power. – New York: W.W. Norton, 1978. – P. I–VIII.

Common and uncommon sense about the Soviet Union and American policy // The Soviet Union: International dynamics of foreign policy, present and future / Hearings in the House of Representatives. – Washington: U.S. Govt Print. Off., 1978. – P. 202–239; То же под загл.: A new look at the sources of Soviet conduct // Inquiry Magazine – 1977. – 19 Dec. – P. 11–17.

Soviet domestic politics and foreign policy // Detente or debacle: Common sense in U.S. – Soviet relations / Ed. by F.W. Neal. – New York: W.W. Norton, 1979. – P. 11–28. То же в корп. // Common sense in Soviet relations / Ed. by C Marcy. – Washington: American Committee on East West Accord, 1978. – P. 11–25; То же под загл.: Premonitions of Stalinism // Dissent. – 1978. – Winter. – P. 79–82.

Why Bukharin's ghost still haunts the Kremlin // The New York Times Magazine – 1978. – 10 Dec. – P. 79–82.

The friends and foes of change: reformism and conservatism in the Soviet Union // Slavic Review. – 1979. – Vol. 38, № 2. – P. 187–202; То же // The Soviet Union since Stalin / Ed. by Cohen, A. Rabinowitch and R. Sharlet. – Bloomington: Indiana Univ. Press, 1980. – P. 11–31.

What is fundamental? // Slavic Review – 1979. – Vol. 38, № 2. – P. 220–223.

The rage of heresy // The Nation. – 1979. – 29 Dec. – P. 692–694.

Stalin's afterlife // The New Republic. – 1979. – 29 Dec. – P. 15–19.

Bukharin and the idea of an alternative to Stalinism // Bukharin and the bolshevik revolution. – Oxford Univ. Press, 1980. – P. XV–XXIV.

Bukharin and the Eurocommunist idea // Eurocommunism between East and West / Ed. by V. Aspaturian, J. Valenta and D.P. Burke. – Bloomington: Indiana Univ. Press, 1980. – P. 56–71; То же // N.I. Bukharin. Selected writings / Ed. by R.B. Day. – White Plains: M.E. Sharpe, 1982. – P. IX–XXV.

Essays on the history of Stalinism // Stalin L'Uomo, La Nazioe, II Partito. – Milan: Fabbri Editori, 1980.

Cold warriors of the world, unite // Inquiry Magazine – 1980. – 21 Apr. – P. 23–24.

Dissenso, democrazia e d'evoluzione dell 'autoritarismo sovietico: 1917–1979 // Dissenso e democrazia new paesi dell'est. – Florence, 1980. – P. 24–34.

La sue visione della 'costruzione del socialismo' // Rinas-cita. – 1980. – 4 July. – P. 18–20.

Il dopo Brezhnev: discuterne Josif Brodsky e Stephen F. Cohen // L'Espresso. – 1980. – 16 Nov. – P. 70–82.

Hard-line Fallacies // New York Times. – 1980. – 22 Aug.; To же // Social Education. – 1981. – Vol. 45, № 4. – P. 252–253.

The parity principle in U.S. – Soviet relations // The New York Times. – 1981. – 26 June.

The survivor as historian // Antonov-Ovseyenko A. The time of Stalin. – New York: Harper and Row, 1981. – P. V11–XI.

Roy Medvedev and Political Diary // An end to silence / Ed. by St. F. Cohen. – New York: W.W. Norton, 1982. – P. 7–14.

The Stalin question since Stalin // Ibidem. – P. 22–50.

Bucharin e il bucharinismo // Bucharin tra rivoluzione e ri-forme. – Rome: Ed. Riuniti, 1982. – P. 19–27.

How to save the world // The New York Times. – 1983. – 13 Nov.

Andropov in mezzo al Guado // L'Espresso. – 1983. – 12 Dec.

No Andropov era // The New York Times. – 1983. – 13 Nov.

Soviet domestic politics and foreign policy // World poli-tics debated / Ed. by H.M. Levine. – New York: McGraw-Hill, 1983. – P. 126–137.

The Stalin question // The Soviet Union today / Ed. by J. Cracraft. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1983. – P. 21–32.

Памяти Евгения Гнедина // СССР: Внутренние проти-воречия. Вып. 2. – Нью-Йорк, 1984. – С. 269–273.

The friends and foes of change // The Soviet policy in the modern era / Ed. by E. Hoffmann and R. Laird. – Hawthorne: Aldine, 1984. – P. 85–104.

Soviet state and society as reflected in the American media // Nieman Reports. – 1984. – Winter. – P. 25–28; To же // The other side: How Soviets and Americans perceive each other / Ed. by R. English and J. Halperin. – New Brunswick: Transaction Books, 1987. – P. 77–81; To же в сокр. // Bulletin of the American Society of Newspaper Editors. – 1984. – Nov. / Dec. – P. 36–37; Harper's. – 1985. – March.

Soviet domestic politics and foreign policy // Soviet foreign policy in a changing world / Ed. by R. Laird and E. Hoffmann. – New York: Aldine, 1986. – P. 66–83.

Stalin's terror as social history // The Russian Review – 1986. – Vol. 45, № 4. – P. 375–384.

A matter of global survival // Before the point of no return / Ed. by C. Snyder. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1986. – P. 49–53.

The struggle for detente // East-West Tension. North-South Conflict. – New York: Riverside Church Disarmament Program, 1986. – P. 9–13.

America's Russia: Can the Soviet system change? // Socialism and Democracy. – 1986. – № 3. – Fall/Winter. – P. 5 – 16; To же // Princeton Alumni Weekly. – 1986. – 30 Sept. – P. 11–15; To же в сокр. // Harper's. – 1986. – Nov.

Gorbachev's historic embattled program // Il progetto Gorbaciov. – Rome: Rinascita. – 1987. – P. 158–165.

Perestroika: Debate with Richard Pipes // Princeton Alumni Weekly. – 1987. – 9 Dec. – P. 21–27.

Soviet state and society in the American media // The other side / Ed. by R. English and J. Halperin. – New Brunswick: Transaction Books, 1987. – P. 77–81.

Bukharin and the Eurocommunist idea // The crucible of socialism / Ed. by L. Patsouras. – Atlantic Highlands: Humanities Press, 1987. – P. 293–307.

The U.S. press and glasnost // *Deadline*. – 1988. – May–June. – P. 3–4.

Centrists lack the guts to respond to Gorbachev // *New York Times*. – 1988. – 19 Sept.; То же // *International Herald Tribune*. – 1988. – 20 Sept.; Эхо планеты. – 1988. – № 33. – С. 48.

The President's historic opportunity: Will we end the cold war? // *The Nation*. – 1988. – 10 Oct. – P. 305–314; То же // *America's transition* / Ed. by M. Green and M. Pinsky. – New York: Democracy Project, 1989. – P. 120–134; То же в сокр. // *The Trenton Times*. – 1988. – 16 Oct.; *Rinascita*. – 1988. – 22 Oct. – P. 28–30.

Supporters and opponents of perestroika: A roundtable // *Soviet Economy*. – 1988. – Oct. – Dec. – P. 275–318.

Gorbachev and the Soviet reformation // *Voices of glasnost* / Ed. by St. Cohen and K. vanden Heuvel. – New York: W.W. Norton, 1989. – P. 13–32.

Changing the image of the enemy: Dialogue with Vitaly Korotich // *Michigan Quarterly Review* – 1989. – Fall. – P. 507–520.

The moderate alternative // *The Stalin revolution* / Ed. by R.V. Daniels. – Lexington: D.C. Heath, 1990. – P. 35–53.

Gorbachev the Great // *The New York Times*. – 1991. – 11 March; То же // *International Herald Tribune*. – 1991. – 11 March; *Известия*. – 1991. – 12 марта.

Gorbachev's reforms and American perceptions // *Outlook*. – 1990/91. – Winter. – P. 70–74.

Gorbachev's reforms after six years // *Hearings before the Subcommittee on European Affairs of the Committee on Foreign Relations U.S. Senate*. – Washington: U.S. Govt Print. Off. – 1991. – P. 41–47.

The friends and foes of change // *The Soviet system in crisis* / Ed. by A. Dallin and Gail W. Lapidus. – Boulder: West-

view Press, 1991. – P. 64–80; То же // *The Soviet system: from crisis to collapse* / Ed. by A. Dallin and Gail W. Lapidus. – Boulder: Westview Press, 1995. – P. 57–74.

Cold dawn in Moscow // *The New York Times*. – 1991. – 4 Sept.; То же // *International Herald Tribune*. —1991. – 5 Sept.; *Советская Россия*. – 1991. – 7 сент.; *Независимая газета*. – 1991. – 5 окт.

What's really happening in Russia? // *The Nation*, – 1992. – 2 March. – P. 259–268; То же // *Annual Editions: Comparative Politics*. – Dushkin Publishers, 1993.

The election's missing issue: A cold peace with Russia? // *The Nation*. – 1992. – 23 Nov. – P. 622 – 624; То же // *Information (Denmark)*. – 1992. – 6 Nov.; *De Morgen (Belgium)*. – 1993. – Dec.

Ligachev and the tragedy of Soviet conservatism // *Inside Gorbachev's Kremlin: The memoirs of Yegor Ligachev*. – New York: Pantheon Books, 1993. – P. 7–37; То же. – Boulder: Westview Press, 1996. – P. VI–XXXVI.

The afterlife of Nikolai Bukharin // *Larina A. This I cannot forget: The memoirs of Nikolai Bukharin's widow*. – New York: W.W. Norton, 1993. – P. 13–36.

Staggering toward democracy? // *Harvard International Review*. – 1992/1993. – Winter. – P. 14–17, 60–62.

Can we convert Russia? // *Washington Post Outlook*. – 1993. – 28 March; То же // *Рабочая трибуна*. – 1993. – 7 апр.

American policy and Russia's future // *The Nation*. – 1993. – 12 Apr. – P. 476–485.

U.S. policy toward post-communist Russia: fallacies, failures, possibilities // *Hearings before the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives*. – Washington: U.S. Govt Print. Off., 1993. – P. 453–479.

Yeltsin's desperation dismantles democracy // *Washington Post Outlook*. – 1993. – 10 Oct. – P. 1–3. То же // *Washington Post Na-*

tional Weekly. – 1993. – 18–24 Oct. – P. 23–24; То же в сокр. // International Herald Tribune. – 1993. – 13 Oct.; The Moscow Times. – 1993. – 14 Oct.; Рабочая трибуна. – 1993. – 18 окт.; Новая ежедневная газета. – 1993. – 29 ноября.

The last chance // The Nation. – 1994. – 24 Jan. – P. 76–77. – Соавт.: K. vanden Heuvel.

America's failed crusade in Russia // The Nation. – 1994. – 28 Febr. – P. 261–264; То же в сокр. // Los Angeles Times. – 1994. – 11 Febr.; Рабочая трибуна. – 1994. – 11 февр.; International Herald Tribune. – 1994. – 16 Febr.

Clinton's Yeltsin, Yeltsin's Russia // The Nation. – 1994. – 10 Oct. – P. 373–376; То же в сокр. // New York Newsday. – 1994. – 25 Sept.; International Herald Tribune. – 1994. – 26 Sept.; The Moscow Times. – 1994. – 27 Sept.; Рабочая трибуна. – 1994. – 4 окт.; Советская Россия. – 1994. – 4 окт.

If not Yeltsin, the Russian opposition // The Washington Post Outlook. – 1995. – 3 Dec.

In Russia, who is guilty now? // The New York Times. – 1995. – 11 Dec.

Russia's judgment day? // The Nation. – 1996. – 8 July. – P. 3–5. – Соавт.; То же. // Литературная газета. – 1996. – 3 июля.

«Transition» or tragedy // The Nation. – 1996. – 30 Dec. – P. 4–6; То же в сокр. // Los Angeles Times. – 1996. – 12 Dec; International Herald Tribune. – 1996. – 13 Dec; The Moscow Times. – 1996. – 17 Dec; Общая газета. – 1996. – 26–31 дек.; Завтра. – 1997. – Янв. (№ 3).

The Other Russia // The Nation. – 1997. – 11/18 Aug. – P. 24–26. – Соавт. 84. Preface // *King D. The commissar vanishes.* – New York: Metropolitan Books, 1997.

Bukharin's fate // *Bukharin N. How it all began.* – New York: Columbia Univ. Press, 1998. – P. 7–28; То же в сокр. // Dissent. – 1998. – Spring. – P. 58–68.

Why call it reform? // The Nation. – 1998. – 7–14 Sept. – P. 6–7.

Russian tragedy or transition // *Rethinking the Soviet collapse* / Ed. by M. Cox. – London: Cassell, 1998. – Chap. 13.

Who lost Russia? // The Nation. – 1998. – 12 Oct. – P. 5; То же // International Herald Tribune. – 1998. – 27 Oct.; Los Angeles Times. – 1998. – 27 Oct.

Help Russia // The Nation. – 1999. – 11–18 Jan. – P. 6–9. – Соавт.: K. vanden Heuvel; То же // The Moscow Times. – 1998. – 25 Dec; The St. Petersburg Times. – 1998. – 29 Dec.; Courier International – 1999. – 7–13 Jan.; Независимая газета. – 1999. – 26 янв.

Russian studies without Russia // *Post-Soviet Affairs.* – 1999. – Jan.–March. – P. 37–55.

«Transition» is a notion rooted in U.S. ego // The New York Times (Ideas Page). – 1999. – 27 March.

Degrading America // The Nation. – 1999. – 24 May. – P. 6; То же // Независимая газета. – 1999. – 7 мая.

American journalism and Russia's tragedy // The Nation. – 2000. – 2 Oct. – P. 23–30.

Gorbachev as leader: Pope or Luther? // *Gorbachev on his 70th birthday.* – Moscow, 2001. – P. 242–246. – Англ. и рус.

Russian nuclear roulette // The Nation. – 2001. – 25 June. – P. 16.

A second chance with Russia // The Nation. – 2001. – 5 Nov. – P. 7, 23; То же // Pittsburgh Post-Gazette. – 2001. – 11 Nov.; International Herald Tribune. – 2001. – 14 Nov.; Советская Россия. – 2001. – 18 окт.

Endangering U.S. security // The Nation. – 2002. – 15 Apr. – P. 5. – Соавт.; То же. // Советская Россия. – 2002. – 2 апр.; Los Angeles Times. – 2002. – 1 May; Newsday. – 2002. – 3 May; Chicago Tribune. – 2002. – 14 May.

Are we safer? // The Nation. – 2003. – 5 May. – P. 4; То же // International Herald Tribune. – 2003. – 23 Apr.; Известия. – 2003. – 20 июня.

The struggle for Russia // The Nation. – 2003. – 24 Nov. – P. 5–6; То же // Philadelphia Inquirer. – 2003. – 9 Nov.; Moscow Times. – 2003. – 12 Nov.; Родная газета. – 2003. – 14 ноября.

How to get out of Iraq // The Nation. – 2004. – 24 May. – P. 11; То же // The Guardian (U. K.); Родная газета. – 2004. – 14–20 мая.

Was the Soviet system reformable? // Slavic Review. – 2004. – Fall. – P. 459–488; 553–554; То же // Свободная мысль. – 2005. – № 1. – С. 136–162; Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя. – М., 2005. – С. 24–45. То же в сокр. // Политический журнал. – 2005. – 17 янв. – С. 66–70.

The media's new cold war // The Nation. – 2005. – 31 Jan. P. 18–22. То же // Гудок. – 2005. – 2 февр.; Национальные интересы. – 2005. – № 1. – С. 3–6.

103. Gorbachev's lost legacy // The Nation. – 2005. – 14 March. – P. 5. То же // Los Angeles Times. – 2005. – 27 Feb.; Политический журнал. – 2005. – 28 февр.

The new American cold war // The Nation. – 2006. – 10 July. – P. 9–17. То же // Политика. – 2006. – 28 июня.

The Soviet Union, R.I.P.? // The Nation. – 2006. – 25 Dec. – P. 14–18. То же // The Guardian (U.K.). – 2006. – 13 Dec.; Новая газета. – 2006. – 21–24 дек.; Europa (Poland). – 2006. – 30 Dec.

Bukharin's fate // Bukharin N. Socialism and its culture. – London; New York; Calcutta, 2006. – P. VII–XXXVII.

Conscience and the war // The Nation. – 2007. – 26 March. – P. 4–5.

The 15th anniversary of the end of the Soviet Union // Kennan Institute occasional paper № 299. – Washington, DC., 2008. – Соавт.

The missing debate // The Nation. – 2008. – 19 May. – P. 6–8. То же // Los Angeles Times. – 2008. – 30 Apr.; Известия. – 2008. – 30 апр.; L'Unita. – 2008. – 30 Apr.

The victims return: Gulag survivors under Khrushchev // Political violence: Essays in honor of Robert Conquest / Ed. by P. Hollander. – New York; London, 2008. – P. 90–126.

Stalin's victims return // The Nation. – 2008. – 15 Sept. – P. 27–32.

Переосмысливая советский опыт // США. – 1986. – № 2. – С. 97–104.

Возвращение Николая Бухарина // Московские новости. – 1988. – 21 февр.

Предисловие // Американцы пишут Горбачеву. – М.: Прогресс, 1988. – С. 9–35.

Страницы жизни Николая Бухарина // За рубежом. – 1988. – № 15, 16.

На крутом повороте: Бухарин и Сталин в канун «великого перелома» // Знание – сила. – 1988. – № 8. – С. 64–74.

Николай Бухарин: взгляд американского советолога // Эхо планеты. – 1988. – № 32. – С. 30–33.

Нэповская альтернатива // Наука и жизнь. – 1988. – № 10. – С. 60.

Бухарин, НЭП и идея альтернативы сталинизму // ЭКО. – 1988. – № 9. – С. 155–167.

Дуумвират: Бухарин и Сталин // Огонёк. – 1988. – № 45. – С. 29–31.

Предисловие к советскому изданию // Бухарин: политическая биография, 1888–1938. – М.: Прогресс, 1989. – С. 3–9; То же // Огонёк. – 1988. – № 45. – С. 28.

Марксистская теория и большевистская политика: «Теория исторического материализма» Бухарина / Послесл. В.Н. Шевченко // Философские науки. – 1989. – № 1. – С. 73–87.

[Рец. на кн.: *Горелов И.Е.* Николай Бухарин. – М.: Моск. рабочий, 1988. – 282 с: ил.] // Проблемы мира и социализма. – 1988. – № 5. – С. 85–86. – Соавт.: С. Меньшиков.

Перестройка – это путешествие в поисках нового // Коммунист. – 1989. – № 7. – С. 23–29.

Большевизм и сталинизм // Вопросы философии. – 1989. – № 7. – С. 46–72.

Предупреждение сталинизма // Огонёк. – 1990. – № 28. – С. 13–16.

Партия на перепутье // Литературная газета. – 1990. – 4 июля.

Американское восприятие и советская действительность // СССР глазами советологов. – М.: Московский рабочий, 1990. – С. 40–59.

Что же происходит в России? // Свободная мысль. — 1992. – № 8. – С. 15–23.

Американская политика и будущее России // ПОЛИС. – 1993. – № 3. – С. 86–97.

Круглый стол // Что значит издать книгу в Советском Союзе. – М., 1993. – С. 6–14, 32–38.

«Let Russia be Russia» // Литературная газета. – 1993. – 23 июня.

Может ли Ельцин стать новым Ельциным? // Новая ежедневная газета. – 1994. – 4 янв.

Что Америка может дать России? // Рабочая трибуна. – 1994. – 19, 20 июля.

Куда идёт Россия? // Труд. – 1994. – 26 июля. – Соавт.: С. Бабурин.

Предисловие к изданию «Тюремные рукописи Н.И. Бухарина» // [Бухарин Н.И.] Тюремные рукописи Н.И. Бухарина: В 2 кн. / Под ред. Г.А. Бордюгова. Кн. 1: Социализм и его культура / Публ. С.Н. Гурвич-Бухариной, А.М. Лари-

ной-Бухариной, Ю.Н. Ларина; Предисл. Б.Я. Фрезинского; Комментар., указ. имён О.Л. Сорокиной, М.Ф. Федотовой. – М.: АИРО-XX, 1996. – С. 14–24; То же в сокр. // Свободная мысль. – 1995. – № 12. – С. 50–56; Независимая газета. – 1995. – 3 нояб.

Изучение России без России. Крах американской постсоветологии / Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 4 – М.: АИРО-XXI, 1999. – 48 с. То же // Свободная мысль. – 1998. – № 9/12. – С. 21–34.

Горбачев как лидер: Папа или Лютер? // Многая лета... Михаилу Горбачеву. – М., 2001. – С. 254–259.

Предисловие // Бухарин В.И. Дни и годы / Публ. подгот.: М.В. Бухарина, Ю.Н. Гусев, Л.Н. Гусева, Г.В. Девицина; Сост., введ., коммент., послесл.: Г.В. Девицина, Л.Н. Гусева, Е.Н. Юркевич; Введ. Н.В. Тороповой. – М.: АИРО-XX, 2003. – С. 5–8; То же // Библиография. – 2003. – № 4. – С. 73–75.

Бухарин на Лубянке // Свободная мысль. – 2003. – № 3. – С. 58–64.

Можно ли было реформировать Советскую систему? / Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 16. – М.: АИРО-XXI, 2005. – 64 с.

Кто виноват? // Политический класс. – 2005. – № 10. – С. 60–65.

Правда ли, что «холодная война» закончилась? // Горбачёвские чтения / Под ред. О.М. Здравомысловой. – Вып. 4. – М., 2006. – С. 267–273.

Введение // Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. Сб. документов / Предисл. С. Бабурина. Под ред. Г.А. Бордюгова. Изд. 2-е, доп., измен. и расшир. – М.: АИРО-XXI; РГГЭУ, 2008. – С. 20–28.

Приди Бухарин к власти, в СССР было бы меньше насилия // Известия. 2008, 9 октября.

Литература о Ст. Коэне

Анин Д. Актуален ли Бухарин? // Континент. – 1975. – № 2. – С. 281–314.

Гефтер М.Я. Все мы заложники мира предкатастроф: Письмо американскому историку Стивену Коэну // Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. – М., 1991. – С. 85–91.

Дедков Н. Беспокойный американец // Свободная мысль – XXI. – 2001. – № 4.

Согрин В. Стивен Коэн и перипетии посткоммунистической России // Обществ, науки и современность. – 2002. – № 4.

Аннинский Л. Коэн зрит в корень // Родина. – 2002. – № 7.

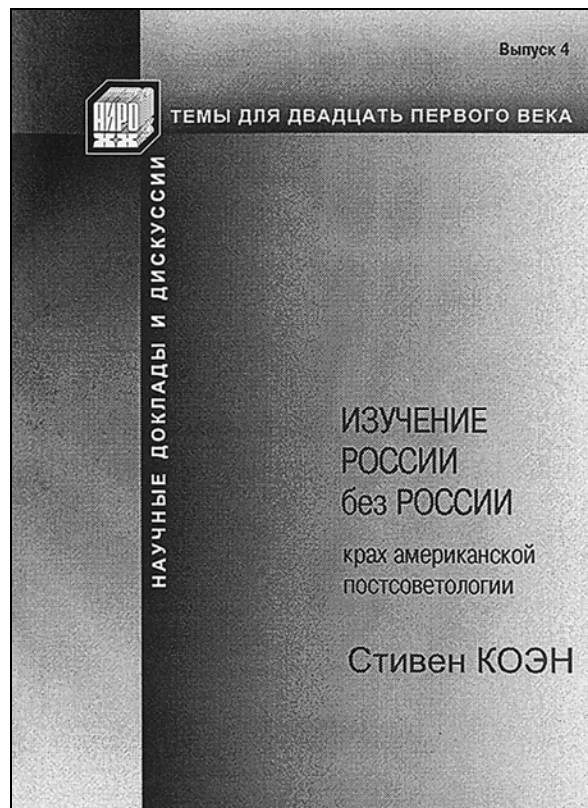
Junge Mark. Bucharins Reabilitierung Hisorisches Gedachtnis in der Sowjetunion. 1953–1991. – Berlin: Basis-Druck, 1999; То же. Юнге М. Страх перед прошлым: Реабилитация Н.И. Бухарина от Хрущева до Горбачева. – М.: АИРО-XX, 2003. – 336 с. – (АИРО-XX – первая публикация в России).

Борьба за Россию // Родная газета. – 2003. – 20 нояб.

Стивен Коэн и Советский Союз / Россия. Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Доброхотов. – М.: АИРО-XXI; РГТЭУ, 2008. – 244 с.

КНИГИ СТИВЕНА КОЭНА

и о нём, вышедшие в АИРО
в 1999–2008 гг.

АИРО В XXI ВЕКЕ*

2000

- Ю.А. Рыбалкин.* Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании. («АИРО – Первая монография»).
- А.Ю. Бахтурина.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. («АИРО – Первая монография»).
- Д.Ю. Гузевич.* Кентавр или к вопросу о бинарности русской культуры. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века». Вып. 7).
- Е.А. Котеленец.* «Харизматический властный союз». Новейшие исследования о Ленине и его политическом окружении. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века». Вып. 8).
- Дирк Кречмар.* Искусство и культура России XVIII–XIX в. в свете теории систем Никласа Лумана. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 9).
- В.Э. Молодяков.* Берлин–Москва–Токио: к истории несостоявшейся «оси». 1939–1941. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 10).
- Кевин Макдермотт, Джереми Агню.* Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. («АИРО – Первая публикация в России»).

* Об изданиях АИРО в 1993–1999 гг. см. подробнее: *Бордюгов Г.А., Ушаков А.И.* Поиски альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам 5 лет. — М., 1998; *Они же.* Развитие альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам и научным проектам 10 лет. — М., 2003.

О.Г. Буховец. Постсоветское «великое переселение народов»: Россия, Беларусь, Украина и другие. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 11).

Историки России. Послевоенное поколение. Сост. Л. В. Макасова.

Ф.Ф. Торнау. Воспоминания кавказского офицера.

Б. Чижков. Подмосковные усадьбы сегодня. Путеводитель с картой-схемой.

Мифы и мифология в современной России / Под редакцией К. Аймермахера и Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа.

Политика по контролю кризисной смертности в России в переходный период. (Программа развития ООН / Россия).

Policies for the Control of the Transition's Mortality Crisis in Russia. (United Nations Development Programme/Russia).

2001

Стивен Козн. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. («АИРО – Первая публикация в России»).

Ленарт Самуэльсон. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941 гг. («АИРО – Первая публикация в России»).

Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. («АИРО – Первая публикация»).

А.П. Ненароков. Последняя эмиграция Павла Аксельрода. Из цикла «В поисках жанра». («АИРО – Монография»).

И. Ротарь. Под зеленым знаменем. Исламские радикалы в России и СНГ. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 12).

Новые концепции российских учебников по истории / Сост. К. Аймермахер, Г. Бордюгов, А. Ушаков. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века». Вып. 13).

Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей – к 60-летию профессора Харуки Вада / Под редакцией Г. Бордюгова, Н. Исии, Т. Томита.

Magister vitae. К 80-летию Л.И. Мильграма / Составители М.Я. Шнейдер, Г.А. Бордюгов.

Элита средств массовой информации. Россия 2001 год. Опрос руководителей и журналистов в электронных и печатных средствах массовой информации.

Человек и война (Война как явление культуры). Сборник статей / Под редакцией И.В. Нарского и О.Ю. Никоновой.

С.В. Константинов, А.И. Ушаков. История после истории. Образы России на постсоветском пространстве.

А.Г. Макаров, С.Э. Макарова. Цветок-татарник. В поисках автора «Тихого Дона»: от Михаила Шолохова к Фёдору Крюкову.

В углу: начало Гражданской войны глазами русских писателей. П.Н. Краснов, Ф.Д. Крюков, И.А. Родионов / Составители А.Г. Макаров, С.Э. Макарова.

2002

Анна Гейфман. В сетях террора. Дело Азефа и Русская революция. («АИРО – Первая публикация в России»).

Беттина Зибер. «Русская идея» обаяывает!? Поиск русской идентичности в общественных дискуссиях конца XX век. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 14).

Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков. Международная конференция. Москва, 15 мая 2001 г. / Под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.

Промышленность Урала в XIX–XX веках. Сборник научных трудов / Под редакцией В.П. Чернобровина.

Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы / Под редакцией К. Аймермахера и Г. Бордюгова.

Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. Форум немецких и российских культурологов / Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова, И. Грабовского.

Б.И. Чехонин. Как богатеют, не воруя (по странам и континентам).

Synopsis operandi профессора Аймермахера /Составитель А.И. Ушаков.

С.Б. Веселовский. Подмосковье в древности. Три очерка.

Фёдору Крюкову, певцу Тихого Дона.

Вадим Смиренский. Разбор сюжетов.

2003

Развитие альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам и научным проектам 10 лет /Составители Г. А. Бордюгов, А. И. Ушаков.

Марк Юнге. Страх перед прошлым. Реабилитация Н.И. Бухарина от Хрущёва до Горбачёва. («АИРО – Первая публикация в России»).

И.А. Гордеева. «Забытые люди». История российского коммунитарного движения. («АИРО – Первая монография»).

Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя /Под редакцией Г. А. Бордюгова.

In Memoriam. Г.М. Адибеков, С.В. Константинов, Ю.В. Соколов / Составители Г.А. Бордюгов и А.И. Ушаков.

Мифы и мифология в современной России / Под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. Изд. 2-е, дополн.

Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е, испр. и дополн.

Богатые и бедные в современной России. Аналитический доклад.

Валерий Брюсов. Мировое состязание. Политические комментарии. 1902–1924 / Составитель В.Э. Молодяков. («АИРО – Первая публикация в России»).

Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебных историях. Научные доклады и сообщения / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.

Мегалополисы и провинции в современной России: образы и реальность. Аналитический доклад.

Застольные речи Сталина. Документы и материалы / Сост., введение, коммент. В.А. Невежина.

2004

Д.А. Андреев, Г.А. Бордюгов. Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. Краткий курс, X–XXI вв.

Булавинский бунт (1707–1708). Этюд из истории отношений Петра В. к Донским казакам. Неизвестная рукопись из Донского архива Федора Крюкова.

Из старых тетрадей. С.Б. Веселовский. Страницы из Дневника. 1917–1923. В.С. Веселовский. Встречи с И.А. Бунным в 1917 году. Итог революции и Гражданской войны.

Die Russischen Mittelschichten: Dynamik ihrer Entwicklung (1999–2003). Ein Analytischer Bericht.

Экономическая элита России в зеркале общественного мнения. Аналитический доклад.

Russlands «Oligarchen»: Die Russen und ihre Wirtschaftselite. Ein Analytischer Bericht.

Moskau und die Provinz: Wie groß sind die Gegensätze? Ein Analytischer Bericht.

Василий Молодяков. Бумажный парус. Стихотворения 1988–2000.

Ю. Сигов. Многоликая Малайзия.

А.А. Куреньшев. Всероссийский крестьянский союз. 1905–1930 гг. Мифы и реальность. («АИРО – Монография»).

Россия: удачи минувшего века / Г. Бордюгов, В. Молодяков, Б. Соколов, а также: В. Есаков, Е. Левина, Л. Мазун, Э. Молодякова, А. Полунов, Л. Федянина, Г. Ульянова.

Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. Сборник статей.

Марк Юнге, Рольф Биннер. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. («АИРО – Первая публикация в России»).

2005

Никита Дедков. Консервативный либерализм Василия Макалова. («АИРО – Первая монография»).

Жанат Кундакбаева. «Знаком милости Е. И. В. ...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. («АИРО – Монография»).

В.Д. Соловей. Русская история: новое прочтение. («АИРО – Монография»).

С.И. Валянский. Теория информации и образование. Об условиях выживания России. («АИРО – Монография»).

П.Б. Уваров. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. («АИРО – Монография»).

1917: частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. («АИРО – Первая публикация» (совместно с Издательством РУДН)) / Под редакцией Г. А. Бордюгова и Е. А. Котеленец, сост. Н. С. Антонова и Л. А. Роговая, введ. Лотара Майера.

Б.Г. Тартаковский. Всё это было... Воспоминания об исчезающем поколении. («АИРО – Первая публикация»).

Б.Г. Тартаковский. Из дневников военных лет. («АИРО – Первая публикация»).

Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия. Сборник документов. 1907–1929. Серия «АИРО – Первая публикация». Публ. В.Э. Молодякова /Под редакцией Г.А. Бордюгова.

Норман Неймарк. Пламя ненависти. Этнические чистки в истории Европы в XX веке. («АИРО – Первая публикация в России»).

Стивен Козн. Можно ли было реформировать Советскую систему. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 16.)

Александр Зиновьев, Герман Кант, Бернхард Къари, Борис Соколов, Андрей Турков. Великая война: трудный путь к правде. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 17, совм. с журналом «Свободная мысль–XXI»).

Истребительная война на Востоке. Преступления вермахта. Сб. докладов. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 18, совм. с Центром «Запад–Восток», Кассельский университет).

Дмитрий Андреев, Геннадий Бордюгов. Пространство памяти: Великая Победа и власть. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 19).

Прошлое и будущее российско-японских отношений: по следам Кацура Таро, Гото Симпэй, Нитобо Инадзо. Материалы симпозиума (Москва, 4 октября 2004 г.) /Под редакцией Г. Бордюгова и В. Молодякова.

Россия и тотальная война в XX столетии: взгляд из удаляющейся перспективы. Материалы Международного интернет-семинара.

Жанат Кундакбаева. Политика Российской империи в отношении народов Северного Прикаспия в XVIII веке: историография проблемы и источники изучения.

Владимир Самарин. Страсти по «Тихому Дону». Заметки на полях романа.

Борис Соколов. Моя книга о Владимире Сорокине.

60-летие Второй мировой и Великой Отечественной войн: победители и побеждённые в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к Международному Форуму (сентябрь, 2005). Совм. с Фондом Фридриха Науманна.

Ст. Б. Веселовский. Из истории Московского государства в XVII веке. Три статьи / Сост. А.Г. Макаров и С.Э. Макарова.

Рой Медведев. Социализм в России?

Япония 2004–2005. Ежегодник.

2006

Дмитрий Люкишин. Вторая русская смута: крестьянское измерение. («АИРО – Первая монография»).

А.Г. Ложкин. Право победителей. Правовой отдел СВАГ: история создания и деятельности. 1945–1949. («АИРО – Первая монография»).

Ф.Г. Куначёва. Религиозные воззрения абазин (с древнейших времён до наших дней). («АИРО – Первая монография»).

В.Э. Молодяков. Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949) – дипломат, политик, мыслитель. («АИРО – Монография»).

Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917. Публ. Е.И. Щербаковой / Под ред. Г.А. Бордюгова. («АИРО – Первая публикация»).

Молодёжь и политика. Материалы семинара (сентябрь 2005) / Под редакцией Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 17.

Назревшая дискуссия. Некоторые итоги обсуждения истории Второй мировой войны. Общественный Форум (Москва, 28 сентября 2005 г.). Стенограмма / Под редакцией Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 18.

Э. Саблина. 150 лет Православия в Японии. История Японской Православной Церкви и её основатель Святитель Николай. («АИРО – Монография»).

Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг. Сборник документов / Под редакцией и составление Геннадия Бордюгова, Вольфганга Мюллера, Нормана М. Неймарка, Арнольда Суппана. («АИРО – Первая публикация»).

Малороссия. Новороссия. Крым. Исторический и этнографический очерк. Сост. А.Г. Макаров и С.А. Макаров.

Советская Военная Администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949 гг. Сб. документов. /Под ред. Геннадия Бордюгова, Бернда Бонвеча и Нормана Неймарка. («АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн. и измен.

Портрет современного японского общества.

В.Э. Молодяков. Гото Симпэй и русско-японские отношения. («АИРО – Монография»).

Н.А. Четырину. Сергиевский посад в конце XVIII – начале XIX вв. (Посад как тип городского поселения). («АИРО – монография»).

П. Павленко. Либерально-демократическая партия в политической системе Японии. 1955–2001.

Павел Гвоздев. Русские на марше: от химеры к тотальной мобилизации.

Япония. Ежегодник. 2006.

Сергей Валянский. Хронотроника и эволюция социальных систем. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 20).

В тени «Тихого Дона». Фёдор Крюков – забытый русский писатель. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 21).

2007

Я.В. Леонтьев. «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и её литературные попутчики. («АИРО – Монография»).

Стивен Козн. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза?

Ирина Каргина. Букет бессмертников. Константин Каргин и Михаил Шолохов: неизвестные страницы творческой биографии.

А.Г. Тепляков. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. («АИРО – Первая монография»).

Р.А. Гоголев. «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К.Н. Леонтьева: опыт реконструкции. («АИРО – Первая монография»).

И.А. Алексеева. История всемирного христианского молодёжного движения в России. («АИРО – Первая монография»).

В.И. Колесов. Служил Советскому Союзу... Воспоминания. («АИРО – Первая публикация»).

Фридрих Фирсов. Секретные коды истории Коминтерна. 1919–1943. («АИРО – Первая публикация в России»).

С.И. Валянский. Язык мой – враг мой.

Владимир Дмитриевич Есаков. Биобиблиографический указатель. Сост. Г.А. Бордюгов, Е.С. Левина / Предисловие А.П. Ненарокова.

Эльгена Васильевна Молодякова. Биобиблиографический указатель. Сост. Г.А. Бордюгов, А.Е. Куланов.

Япония открытая миру. Коллективная монография.

В.Г. Воловников. О необыкновенном годе необыкновенной эпохи (Неизвестная история выставки Пабло Пикассо

- в СССР в 1956 г.). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 22).
- В.Д. Соловей.* Смысл, логика и форма русских революций. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 23).
- Россия без Советского Союза: что потеряли и приобрели, что впереди? Стенограмма Общественного Форума 19 декабря 2006 г. и материалы дискуссии. Под редакцией Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова и Алана Касаева. Библиотека либерального чтения. Выпуск 19.
- С.Ф. Платонов.* Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков.
- Александр Рабинович.* Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. («АИРО – первая публикация в России»).
- Николай Андреев.* Первые стихи.
- Владимир Путин. Рано подводить итоги.
- Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова. Под ред. Г.А. Бордюгова и Е.А. Котеленец, сост. Н.С. Антонова и Л.А. Роговая, введ. Л. Майер.
- Служение России. Торгово-промышленная палата РФ. 1917–2007. Научно-популярное иллюстр. издание-альбом / Под ред. Е.М. Примакова. (совместно с ТПП РФ).

2008

- Сиратори Тосио.* Новое пробуждение Японии. Политические комментарии 1933–1945. Составление, перевод, вступительная статья и комментарии доктора политических наук В.Э. Молодякова. («АИРО – первая публикация»).
- Danke, профессор Аймермахер. 12 писем из России. Сост. Г.А. Бордюгов, Т.М. Горяева.

- Константинов С.В.* «В неверном озаренье славы...»: реформаторы и жертвы. Сост.: Давыдов О.В., Касаев А.Ч., Молодяков В.Э.
- Леонид Козлов.* В диалоге с прошлым.
- Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. Сб. документов. Предисл. С. Бабурина. Введ. Ст. Коэна. («АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн., измен. и расшир.
- Харуки Вада – сенсей российской истории. Сост. Г.А. Бордюгов.
- Стивен Коэн и Советский Союз / Россия. Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Доброхотов.
- Е.В. Суровцева.* Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е – 1950-е гг.). («АИРО – Первая монография»).
- А.А. Куренышев.* Крестьянские организации Русского Зарубежья. (1920–1951 гг.). («АИРО – Монография»).
- Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера.
- Общее прошлое и современность. Материалы польско-российско-немецкого триалога историков и журналистов (Россия, Тверская область, «Гелиопарк-Эммаус» на Волге, 6–9 сентября 2007 г.).
- Глобальные вызовы – японский ответ / Рук. проекта Э.В. Молодякова.
- Прошлое: российский и немецкий подходы. Материалы российско-немецкого коллоквиума. Москва, 12–13 июля 2007 года. Под ред. Фалька Бомсдорфа и Геннадия Бордюгова.
- Роберт Эдельман.* Серьезная забава. История зрелищного спорта в СССР.
- А.Г. Тепляков.* Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. («АИРО – Монография»).

Смоленская торгово-промышленная палата

Смоленская торгово-промышленная палата (Смоленская ТПП) — негосударственная, некоммерческая организация, созданная с целью содействия социально-экономическому развитию Смоленской области, формирования современной промышленной инфраструктуры, создания благоприятных условий для предпринимательской деятельности, научно-технических и экономических связей предпринимателей с предпринимателями других регионов России и зарубежных стран, а также представительства и защиты их законных интересов в государственных органах.

Смоленская ТПП создана в мае 1993 года, входит в систему Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, действует на основе Конституции Российской Федерации, Закона РФ «О Торгово-промышленных палатах в Российской Федерации», указов Президента РФ, постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации и Устава. Предшественником Смоленской торгово-промышленной палаты был Союз предпринимателей Смоленской области, образованный в 1992 году.

В 1993 году Палата объединяла 24 предприятия, организации и предпринимателя, в 2008 году их число выросло до 270, а перечень оказываемых услуг увеличился в двенадцать раз. В настоящее время Смоленской ТПП оказывает более 60 видов различных услуг.

Основными видами деятельности Палаты являются: содействие внешнеэкономической деятельности предприятий; экспертная, оценочная, выставочная, переводческая, ин-

формационно-рекламная деятельность; выдача сертификатов о происхождении товаров и удостоверение документов внешнеэкономической деятельности; подготовка предприятий к сертификации в соответствии с требованиями международных стандартов качества; оформление документов по штриховому кодированию, регистрации товарных знаков, патентованию изобретений и другие.

Палата:

- охватывает своей деятельностью все сферы предпринимательства – промышленность, внутреннюю и внешнюю торговлю, сельское хозяйство, финансовую систему, услуги.
- выражает и защищает интересы деловых кругов в органах государственной власти и местного самоуправления;
- участвует в становлении и развитии инфраструктуры обслуживания предпринимательства;
- способствует продвижению товаров, услуг смоленских предприятий и организаций на внутреннем и внешнем рынках;
- распространяет цивилизованные принципы ведения бизнеса;
- проводит политику социальной ответственности предпринимателей и их объединений.

Приоритетным направлений своей деятельности торгово-промышленная палата считает поддержку, представление и защиту интересов малого и среднего бизнеса региона. На сегодняшний день она является учебно-деловым и информационным центром малого и среднего бизнеса области, возглавляет областную Коалицию ассоциаций малого бизнеса.

Научное издание

Стивен КОЭН
ДОЛГОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ.
Жертвы ГУЛАГа после Сталина

Перевод с англ.: *Ирина Сергеевна Давидян*

Издатель Леонид Янович

Дизайн и вёрстка: *Сергей Щербина*

ISBN 5-94881-076-3

НП издательство «Новый хронограф»
Контактные телефоны в Москве: (095) 466-16-35, 671-00-95
E-mail: nkhronograf@mail.ru
Интернет: <http://www.novhron.info>

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 30.10.2008
Формат 70×100 1/32. Бумага офс.
Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 9,0.